

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра теории государства и права и международного права

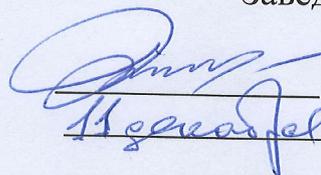
РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой

д-р юрид. наук

О.В. Винниченко

2018 г.

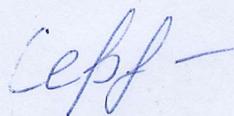
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ
СУДЕБНЫМ ОРГАНОМ ЕАЭС

40.04.01 Юриспруденция

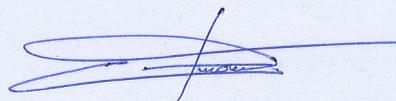
Магистерская программа «Защита прав человека и бизнеса»

Выполнила работу
студентка 3 курса
заочной формы обучения

Серебренникова
Елена
Александровна

Научный руководитель
доцент, кандидат юрид.
наук

Стоякин
Сергей
Геннадьевич

Рецензент
юристконсульт
ООО «Агрокомплекс
Манайский»

Порядина
Анна
Сергеевна

Тюмень, 2018

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЕЭС - Высший Евразийский экономический совет

ДФЕС - Договор о функционировании Европейского союза

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕврАзЭС - Евразийское экономическое сообщество

ЕОУС - Европейское объединение угля и стали

ЕС – Европейский союз

ЕСПЧ - Европейский Суд по правам человека

ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия

ЕЭП - Единое экономическое пространство

КС РФ – Конституционный Суд РФ

ОПФ – организационно-правовая форма

ОРС ВТО - Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации

ТС – Таможенный союз

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СУДЕБНЫМ ОРГАНОМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	6
1.1. Понятие системы защиты прав хозяйствующих субъектов	6
1.2. Общая характеристика и функции Суда ЕАЭС	12
1.3. Развитие законодательства Евразийского экономического союза о хозяйствующих субъектах.....	19
ГЛАВА 2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СУДОМ ЕАЭС.....	29
2.1. Компетенция суда ЕАЭС по спорам с участием хозяйствующих субъектов	29
2.2. Оспаривание бездействия Евразийской экономической комиссии как способ защиты прав хозяйствующих субъектов.....	38
2.3. Проблемы и перспективы суда ЕАЭС в системе органов международного правосудия.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	71

ВВЕДЕНИЕ

До начала 1990-х годов международные суды были довольно редким явлением и использовались для разрешения споров между государствами, если государства соглашались передать спор на рассмотрение того или иного суда. При этом максимум, на что соглашались государства при создании судов - их факультативная юрисдикция, при которой определяющим было согласие государства на рассмотрение спора в суде¹.

С середины 1990-х годов начался бурный рост числа международных судов и трибуналов новой формации, отличительной особенностью которых было наличие уже обязательной юрисдикции, что говорило о коренном изменении подхода к роли и значению международных судов. Учредительные документы значительной части таких органов предусматривают прямой доступ частных лиц в эти суды с жалобами на те или иные действия государств².

Очевидно, что принимая решение о создании того или иного постоянного международного суда, государства исходят из представления, что плюсы и выгоды, полученные от создания суда, будут превышать те неминуемые неудобства и издержки, связанные с этим. Крайне влиятельная на сегодня концепция, пришедшая в международное право из теории международных отношений, исходит из того, что государства, создавая суды, выступают в качестве доверителей, делегируя судам (агентам) некоторые функции, которые эффективнее реализуются именно судами, а не группой государств. Помимо традиционной функции разрешения споров, государства делегируют судам право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также в определенной степени право нормотворчества для устранения пробелов и прояснения нечетко сформулированных положений в международных договорах. Сами международные договоры все чаще рассматриваются в качестве намеренно незавершенных

¹ Кирин А. А. Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза // Молодой ученый. - 2016. - №8. - С. 747-750.

² Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016 № 4 С. 152–166.

соглашений³, когда дипломаты и эксперты договаривающихся государств сознательно используют расплывчатые формулировки, чтобы прийти к компромиссу. Для описания действий государств в ситуации, когда в сжатые сроки необходимо согласовать текст договора и при этом преподнести результат своим парламентам и избирателям как победу, используется весьма красноречивый термин «конструктивная двусмысленность»⁴.

Однако государства, создавая международные суды и понимая, что они должны быть независимы и беспристрастны для эффективного осуществления их функций, старались и стараются предусмотреть различные механизмы контроля над ними. Эти механизмы должны страховать государства от выхода суда за отведенные государствами рамки в процессе толкования и применения судами норм права. Отсутствие универсальных рецептов в этом отношении и каких-либо ограничений приводило к появлению самых разнообразных вариантов. Итоговый выбор во многом определялся как общими представлениями государств (иногда весьма поверхностными) о специфике международного правосудия, так и полученным государствами опытом общения с международными судами.

Цель исследования – проанализировать систему защиты прав хозяйствующих субъектов судебным органом ЕАЭС и сформулировать предложения по совершенствованию системы защиты прав хозяйствующих субъектов судебным органом ЕАЭС.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть систему защиты прав хозяйствующих субъектов.
2. Изучить характеристику и функции Суда ЕАЭС.
3. Охарактеризовать развитие законодательства ЕАЭС о хозяйствующих субъектах.
4. Проанализировать компетенцию Суда ЕАЭС по спорам с участием хозяйствующих субъектов.

³ Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016 № 4 С. 152–166.

⁴ Там же.

5. Выделить оспаривание бездействия ЕЭК как способ защиты прав хозяйствующих субъектов.
6. Выявить проблемы и перспективы Суда ЕАЭС в системе органов международного правосудия.

Объект исследования – судебная защита прав хозяйствующих субъектов в ЕАЭС.

Предмет исследования – система защиты прав хозяйствующих субъектов судебным органом Евразийского экономического союза.

Методологическую основу исследования составляет комплекс мер научного познания, среди которых анализ, синтез, системный подход, статистический и сравнительно-правовой методы.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СУДЕБНЫМ ОРГАНОМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

1.1. Понятие системы защиты прав хозяйствующих субъектов

Защита права как юридическое понятие является составной частью более широкого понятия – охраны права, которое, как известно, в своей основе состоит из трех элементов: признания права, соблюдения права и защиты права. Все эти меры направлены на обеспечение законных интересов управомоченного субъекта.

В хозяйственной (предпринимательской) деятельности в качестве такого субъекта выступают физические и юридические лица, осуществляющие данный вид деятельности, т.е. самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. И если признание и соблюдение права, являясь корреспондирующей обязанностью по отношению к управомоченному субъекту, как правило, не требует активных действий со стороны обязанных лиц (в качестве которых могут выступать граждане, юридические лица, государство и его органы и т.д., обязанные воздерживаться от неправомерных действий), то защита права необходима в случаях его нарушения или оспаривания, что в свою очередь предполагает активные действия со стороны управомоченных органов, а также самого субъекта нарушенного права⁵.

Под защитой прав хозяйствующих субъектов следует понимать комплекс правовых мер по восстановлению или признанию нарушенных или оспариваемых прав правообладателей, осуществляемых законно установленными способами и в определенных формах.

⁵ Филиппова О.С. Анализ изменений гражданского законодательства, направленных на защиту добросовестных субъектов предпринимательской деятельности / О.С. Филиппова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2017. - №1 (50).

По мнению О.С. Филипповой, предметом данной защиты выступают уже нарушенные или оспариваемые права и законные интересы хозяйствующих субъектов. В этой связи затруднительно согласиться с мнением ряда исследователей о том, что превентивные охранительные действия самих хозяйствующих субъектов, направленные на обеспечение их интересов в случаях возможных посягательств, также являются одним из способов защиты их прав в строго юридическом смысле⁶.

В данном случае происходит смешение понятий «защита права» и «охрана права», а эти понятия, как отмечено выше, являются разными по своему объему и содержанию и соотносятся как часть и целое. Так, «охрана права» включает в себя любые меры, направленные на обеспечение интересов управомоченного субъекта. Защита же права представляет собой совокупность нормативно закрепленных действий, направленных на восстановление нарушенного права или законного интереса. Наличие нарушения права или оспаривания законных интересов в данном случае является определяющим. Иначе, зачем восстанавливать право, если оно не нарушено?

По этой же причине нельзя согласиться и с утверждением Н.А. Максимовской о возможности самозащиты предпринимателя в процессе осуществления им предпринимательской деятельности в любых ситуациях, а не только, когда его права и интересы уже нарушены и ему причиняется вред⁷.

Ссылка этого автора на ст. 14 ГК РФ⁸, которая, по его мнению, является нормативным правовым основанием для данной самозащиты, не может быть признана убедительной, хотя бы потому, что содержание ст. 14 ГК РФ устанавливает, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения⁹. Таким

⁶Максимовская Н. А. Защита прав предпринимателей с участием общественных советов / Н.А. Максимовская // Молодой ученый. - 2016. - №29. - С. 257-260.

⁷ Филиппова О.С. Анализ изменений гражданского законодательства, направленных на защиту добросовестных субъектов предпринимательской деятельности / О.С. Филиппова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2017. - №1 (50).

⁸ Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

⁹ Там же.

образом, не раскрывая понятия самозащиты, законодатель, тем не менее, определяет именно нарушение права в качестве основания для самозащиты. Иначе как можно толковать положения ст. 14 ГК РФ о соразмерности самозащиты нарушению и необходимости придерживаться рамок, необходимых для его пресечения? Соразмерна защита может быть только состоявшемуся нарушению, точно также, как и пресекать можно только нарушение уже совершаемое.

Таким образом, превентивные охранительные действия, в качестве которых, вне всякого сомнения, можно рассматривать, к примеру, нотариальное удостоверение, оформление сделок и им подобные, по своей сути являются мерами, обеспечивающими деятельность хозяйствующих субъектов дополнительными правовыми гарантиями на случай необходимости отстаивания своих законных прав и интересов в будущем, т.е. в случае необходимости их защиты. В этом смысле надлежащим образом оформленные результаты данных превентивных действий будут являться дополнительным аргументом правообладателя в процессе самой защиты нарушенного права. Относить же данные действия к способам непосредственной защиты прав хозяйствующих субъектов нельзя, ибо они осуществляются вне связи с прямым нарушением права.

Кроме того, защита прав хозяйствующих субъектов предполагает применение к нарушителям мер юридической ответственности, реализовать которые могут только компетентные органы. Это не исключает упоминавшейся выше возможности самозащиты, однако, ее специфика заключается в том, что по своей сути она представляет собой реализацию обладателями права своих правомочий в условиях посягательства на них других лиц, осуществляемую при наличии фактической возможности это сделать. К примеру, подрядчик удерживает предмет договора строительного подряда в обеспечение обязанности заказчика по оплате работ¹⁰.

Остальные же способы защиты прав хозяйствующих субъектов представляют собой принудительные правовые меры, с помощью которых осуществляется

¹⁰ Скворцова, Т.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Т.А. Скворцова, М.Б. Смоленский / под ред. Т.А. Скворцовой. - М.: Юстицинформ, 2014. - 402 с.

восстановление нарушенных или оспариваемых прав, а также воздействие на правонарушителей.

В науке хозяйственного права выделяют материально-правовой и процессуальный способы защиты нарушенного (оспариваемого) права. Не следует забывать и о самозащите, которая является самостоятельным способом.

Материально-правовой способ – это совокупность определенных действий, направленных на защиту прав хозяйствующих субъектов, которые осуществляются на основе норм материального права.

Процессуальный способ – это совокупность законно установленных действий, обеспечивающих защиту прав хозяйствующих субъектов в ходе самого процесса разрешения спора.

Материально-правовой способ защиты как целое состоит из конкретных мер. В зависимости от целей, которые перед ними ставятся, данные меры подразделяются на восстановительные, пресекательные и штрафные.

Восстановительными являются меры, ставящие своей целью признание за субъектами имеющихся у них прав, а также направленные на восстановление положения, имевшего место до момента нарушения права.

По мнению Т.А. Скворцовой, к восстановительным мерам следует относить:

- восстановление первоначального положения;
- признание права;
- возмещение убытков и компенсация морального вреда;
- признание оспоримой сделки недействительной;
- присуждение к исполнению обязанности в натуре и др.¹¹

К пресекательным следует относить меры, которые направлены на принудительное прекращение противоправных действий, причиняющих правообладателю какой-либо вред (любые негативные последствия), либо создающих угрозу такого вреда.

Т.А. Скворцова считает, что такими мерами могут являться:

¹¹ Скворцова Т.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Т.А. Скворцова, М.Б. Смоленский / под ред. Т.А. Скворцовой. - М.: Юстицинформ, 2014. - 402 с.

- пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
- прекращение правоотношений;
- приостановление работ и т.д.¹²

Штрафные меры – это меры юридической ответственности, применяемые к правонарушителям. Данные меры (санкции) могут быть нормативно закреплены в законе, либо предусматриваться договором между субъектами хозяйственной деятельности.

Несмотря на некоторую схожесть ряда штрафных мер с правосстановительными мерами, отождествлять их нельзя, ибо у данных мер изначально разные цели. Штрафные меры не предусматривают восстановления положения, имевшего место до нарушения права. Данной цели они просто не могут достигнуть. Цель штрафных санкций – заставить нарушителя претерпеть негативные последствия за свое противоправное поведение.

По мнению Н.А. Максимовской, наиболее распространенными штрафными мерами являются:

- взыскание неустойки (штрафа);
- взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами;
- обращение незаконно полученного по сделке в доход государства;
- конфискация и т.д.¹³

Нормативный перечень указанных выше восстановительных, пресекательных и штрафных мер содержится в ст. 12 ГК РФ¹⁴. Данный перечень не является

¹² Скворцова Т.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Т.А. Скворцова, М.Б. Смоленский / под ред. Т.А. Скворцовой. - М.: Юстицинформ, 2014. - 402 с.

¹³ Максимовская Н. А. Защита прав предпринимателей с участием общественных советов // Молодой ученый. - 2016. - №29. - С. 257-260.

исчерпывающим и оставляет возможность для использования иных мер, предусмотренных в законодательстве.

Что касается процессуального способа защиты прав хозяйствующих субъектов, то действиями, составляющими его суть, по мнению Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан, являются:

- установление самими сторонами (в договорном порядке) органа, компетентного рассматривать спор (третейский суд, коммерческий арбитраж и т.д.);
- обращение в соответствующий орган либо к должностному лицу, осуществляющему защиту нарушенных прав и интересов предпринимателей (Уполномоченный по защите прав предпринимателей и т.п.)¹⁵.

В случае прямого указания в законе способа защиты нарушенного права, для конкретного правоотношения применяется способ, указанный в законе, и в таких случаях отпадает как таковая возможность выбора. Если в законе не определен конкретный способ защиты, то необходимо учитывать характер нарушения и особенности защищаемого права. Согласно ст. 10 ГК РФ¹⁶, выбор способа защиты должен осуществляться на основе соблюдения принципов разумности, добросовестности, недопустимости злоупотребления правом и исходя из пределов осуществления субъективного права на защиту.

Форма защиты – это юрисдикционный порядок осуществления защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Защита прав хозяйствующих субъектов в настоящее время осуществляется в двух формах: судебной и внесудебной.

Судебная форма предполагает рассмотрение дел (споров) в арбитражных судах, судах общей юрисдикции, в ряде случаев в Конституционном Суде РФ, и в международных судах.

¹⁴ Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

¹⁵ Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

¹⁶ Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

Внесудебная форма защиты прав хозяйствующих субъектов предполагает административный порядок защиты, третейское разбирательство, претензионный порядок урегулирования споров, участие в разрешении конфликта медиатора либо посредника, Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Таким образом, России, в последние годы внесудебная форма защиты прав хозяйствующих субъектов приобретает все большее распространение, что обусловлено общемировой практикой.

1.2. Общая характеристика и функции Суда ЕАЭС

Договор о Евразийском экономическом союзе¹⁷ учредил новый судебный орган для государств-участников ЕАЭС и их хозяйствующих субъектов – Суд Евразийского экономического союза. Данный суд является постоянно действующим судебным органом и находится в г. Минск Республики Беларусь.

Правовой статус Суда устанавливается Статутом Суда Евразийского экономического союза¹⁸. Основной целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках союза, международных договоров союза с третьей стороной и решений органов ЕАЭС. В состав Суда входят по 2 судьи от каждого государства-участника, которые назначаются сроком на 9 лет Высшим Евразийским экономическим советом. Председатель Суда и его заместитель избираются самими судьями на 3 года¹⁹.

Суд Евразийского экономического союза принимает дела к своему рассмотрению в следующих составах:

- Большой коллегии Суда;
- Коллегии Суда;
- Апелляционной палаты Суда.

¹⁷ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

¹⁸ Статут Суда Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

¹⁹ Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016 № 4 С. 152–166.

В состав Коллегии Суда включается по одному судье от каждого государства-члена поочередно по фамилии судьи, начиная с первой буквы русского алфавита. Заседание Коллегии считаются правомочными, если на нем присутствует один судья от каждого государства.

А.С. Исполинов отмечает, что апелляционная палата рассматривает заявления об обжаловании решений Коллегии Суда. В состав Апелляционной палаты Суда входят судьи Суда от государств-членов, не принимавшие участия в рассмотрении дела, решение Коллегии Суда по которому обжалуется. Заседание считается правомочным при условии присутствия на нем одного судьи от каждого государства-члена. Дела по заявлениям государств-членов рассматривается Евразийским экономическим судом в составе Большой коллегии²⁰.

Говоря о компетенции Суда Евразийского экономического союза, необходимо отметить, что данный орган не имеет характер международного арбитражного органа. Он также не призван разрешать споры, вытекающие непосредственно из имущественных споров, возникших между субъектами коммерческой деятельности, и, в соответствии со Статутом Суда ЕАЭС, все требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера оставляются без рассмотрения.

Вопрос о наличии компетенции Суда Союза по разрешению спора разрешается Судом Союза.

По мнению А.А. Кирина, в компетенцию суда входят споры, возникающие по вопросам реализации договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках союза и решений органов союза по заявлению государства-члена:

- о соответствии международного договора в рамках ЕАЭС или его отдельных положений договору о ЕАЭС;
- о соблюдении другим государством-членом договора, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС, а также отдельных положений указанных международных договоров и решений;

²⁰ Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза / А.С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. - № 4. - С. 152–166.

- о соответствии решения ЕЭК или его отдельных положений договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках ЕАЭС и решениям органов ЕАЭС;
- об оспаривании действия (бездействия) ЕЭК²¹.

По заявлению хозяйствующих субъектов, т. е. юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, рассматриваются:

- о соответствии решения ЕЭК или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках ЕАЭС, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;
- об оспаривании действия (бездействия) ЕЭК, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта²².

Суд компетентен по заявлению сотрудников и должностных лиц органов союза, в том числе суда, разъяснять положения основного договора, международных договоров в рамках союза и решений его органов в сфере трудовых правоотношений. Суд ЕАЭС осуществляет разъяснение положений международного договора союза с третьей стороной, если это предусмотрено таким международным договором. К компетенции Суда могут быть отнесены и другие споры, решение которых предусмотрено международными договорами союза с третьей стороной и между государствами – членами союза.

²¹ Кирин А. А. Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза / А.А. Кирин // Молодой ученый. - 2016. - №8. - С. 747-750.

²² Там же.

Перед тем, как обращаться в Суд, заявитель должен предпринять действия для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами и обратиться для этого к государству ЕАЭС или в ЕЭК. Если в течение 3 месяцев со дня вышеназванного обращения спор не удалось разрешить или комиссия не приняла решения, то заявитель получает право на обращение в Суд ЕАЭС. При наличии взаимного согласия сторон заявление может быть подано и до истечения 3-месячного срока.

Ж. Кембаев пишет, что в соответствии с Регламентом судопроизводство ведется на русском языке, соответственно, судьи должны владеть русским языком. При этом стороны могут пользоваться услугами переводчика. В отличие от многих международных экономических судов Суд ЕАЭС, по общему правилу, является открытым. Названный принцип может быть ограничен по ходатайству стороны разбирательства и по собственной инициативе Суда Евразийского экономического союза, если в материалах дела находится информация ограниченного распространения²³.

Содержание заявления практически идентично содержанию заявления в рамках арбитражного производства России. К нему следует приложить документы, обосновывающие требование истца, подтверждающие досудебный порядок урегулирования спора, полномочия на подписание заявления, а также уведомление ответчика. По результатам рассмотрения заявления Суд ЕАЭС в течение 10 календарных дней выносит постановление и уведомляет стороны о своем решении принять заявление к производству, об оставлении заявления без движения или об отказе в принятии заявления²⁴. В случае, если заявление было подано неуполномоченным лицом, то Суд ЕАЭС отказывает в принятии заявления и уведомляет об этом государство-член по дипломатическим каналам. По итогам уведомления ответчика о принятии заявления к производству, ответчик вправе в течение 15 календарных дней предоставить возражения в Суд ЕАЭС. Однако это

²³ Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза / Ж. Кембаев // Международное правосудие. – 2016. - № 2. - С. 30–45.

²⁴ Кирин А. А. Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза / А.А. Кирин // Молодой ученый. - 2016. - №8. - С. 747-750.

является правом ответчика, и отсутствие возражений не препятствует рассмотрению дела по имеющимся материалам. Суд ЕАЭС по своему усмотрению, уже приняв дело к производству, может на стадии подготовки дела к рассмотрению предоставить ответчику дополнительное время на предоставление возражения²⁵.

Решение по делу принимается в совещательной комнате простым большинством голосов. Как и в большинстве коллегиальных заседаний, судья, выразивший отличное от принятого решения мнение, может его изложить отдельно.

Таким образом, в результате рассмотрения дела Суд ЕАЭС выносит следующие виды судебных актов:

- Решение Большой коллегии Суда (вступает в силу с момента вынесения решения);
- Решение Коллегии Суда (вступает в силу по истечении 15 календарных дней);
- Решение Апелляционной палаты Суда (вступает в силу с момента вынесения решения);
- Постановление Суда;
- Консультативное заключение Суда;
- Разъяснение Суда.

Рассмотрим функции Суда ЕАЭС. Первая - юрисдикционная. Она связана с разрешением правовых споров, а также других юридических вопросов, возникающих в процессе применения права ЕАЭС. Инициатором дел выступают как суверенные акторы (государства - члены), так и частные лица - хозяйствующие субъекты. При рассмотрении дел Суд руководствуется принципами, указанными в п. 53 и 69 Статута Суда ЕАЭС.

Вторая функция - интерпретационная. Её непосредственная связь с юрисдикционной функцией объясняется тем, что разрешение поставленных перед Судом вопросов сопровождается вынесением решений, в которых Суд даёт толкование источникам права ЕАЭС.

²⁵ Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза / Ж. Кембаев // Международное правосудие. – 2016. - № 2. - С. 30–45.

В научной литературе предлагаются и иные подходы к определению функций судов наднациональных интеграционных объединений. В частности, применительно к Суду ЕврАзЭС профессор Т.Н. Нешатаева выделяет правоохранительную, правозащитную и правотворческую функции²⁶. При этом первые две имеют в своём содержании и юрисдикционную, и интерпретационную составляющие. И эти функции усматриваются в деятельности нового Евразийского Суда.

Правоохранительная функция Суда ЕАЭС состоит в охране принципов рыночной экономики, на которых строится евразийская интеграция. Главным из них является принцип поддержания добросовестной конкуренции, при котором участники внешнеторгового оборота отказываются от нечестных методов ведения торговли (например, демпинг, субсидированный экспорт). Реализация данной функции возможна в двух направлениях. Первое - принятие Судом консультативных заключений в ответ на обращение ЕЭК, например, о соответствии праву ЕАЭС проекта решения Комиссии о введении ответных мер. Второе - разрешение Судом конкретных дел, касающихся применения антидемпинговых, компенсационных, специальных защитных мер. При этом, как следует из Договора о функционировании ТС в рамках многосторонней торговой системы, Суд обязан руководствоваться правилами, принципами и стандартами, установленными ВТО. Примерами, иллюстрирующим правоохранительную функцию, служат рассмотренные Судом ЕврАзЭС дела ПАО «НКМЗ» против КТС и GraphiteIndiaLimited и NEGLimited против ЕЭК²⁷.

Итак, правоохранительная функция обусловлена определённой категорией споров. Правозащитная же функция таким критерием не связана. Она заключается в защите нарушенных прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, в том числе зарубежных. Возможность зарубежных предпринимателей, чьи права и законные интересы затронуты решениями (действиями, бездействием) органов ЕАЭС, вытекает из Договора о функционировании ТС в рамках многосторонней

²⁶ Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм / Т.Н. Нешатаева // Закон. - М.: Закон, 2014, № 6. - С. 106–119.

²⁷ Алимбеков М. Т. Суд ЕврАзЭС как платформа всесторонней интеграции / М.Т. Алибекова // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudevrazes.org>.

торговой системы. В области защиты своих прав и интересов зарубежные контрагенты находятся в более выгодном положении, нежели хозяйствующие субъекты ЕАЭС²⁸. Общее правило таково, что, например, в ситуации незаконно введённых в отношении постановляемого из России товара антидемпинговых мер российский предприниматель не сможет оспорить соответствующий административный акт ни в национальном суде государства, в котором зарегистрирован иностранный контрагент, ни в судебном органе интеграционного объединения (скажем, таможенного союза), если это государство является членом такового.

В этой ситуации хозяйствующий субъект может лишь направить ходатайство уполномоченному государственному органу с просьбой инициировать спор в ОРС ВТО, поскольку споры в рамках ВТО имеют межгосударственный характер, что исключает возможность обращения в ОРС ВТО частных лиц²⁹. Вовсе не обязательно, что это ходатайство будет удовлетворено, особенно если хозяйствующий субъект является предпринимателем малого или среднего бизнеса. При таком раскладе нарушенное право (законный интерес) останется нарушенным, а убытки невозмещёнными. В то же время иностранный партнёр, обладая выбором, несомненно, обратится в Суд ЕАЭС, где его заявление гарантированно рассмотрят, и, в случае несоответствия оспоренного решения договорам, заявленные требования будут удовлетворены.

Разрешение судами конкретных споров сопряжено с толкованием договорных норм и норм вторичного права. Как правило, акт толкования приводит к продуцированию новых норм, изменению или отмене действующих. И здесь показательным примером является резонансное Постановление Большой Коллегии

²⁸ Кашкин С. Ю. Основы интеграционного права / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. - М.: Проспект, 2015. - 224.

²⁹ Смбатян А. С. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // Международное право и международные организации / А.С. Смбатян. - 2013. - URL: courteurasian.org/sm.aspx?guid=9703.

Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 года, которое в литературе назвали «первым на постсоветском пространстве случаем судейского активизма»³⁰.

Причиной издания Постановления послужила медлительность ЕЭК в исполнении Решения Суда от 5 сентября 2012 года. Недовольный проявленным неуважением, Суд встал на категоричную позицию, неосторожно выдавая ультимативные предписания. Не заставила себя ждать негативная реакция со стороны государств - членов и ЕЭК, недовольных бескомпромиссностью Суда, недостаточной аргументированностью его выводов. В связи с указанным Постановлением интересно сравнение двух Статутов. Так, не в пользу судей изменился порядок формирования Суда. Регламент Суда отныне утверждается не самим Судом, а ВЕЭС, то есть, по сути, государствами. Произошёл отказ и от неостребованного в ЕврАзЭС института преюдициальных запросов. А правотворчество Суда ЕАЭС по неким соображениям прямо исключили п. 102 Статута Суда ЕАЭС. Представляется, что установленный запрет нельзя назвать абсолютным, и в практике Суда ЕАЭС, которой ещё предстоит сформироваться, будут акты правотворчества, ведь толкование договоров без него зачастую невозможно³¹.

Таким образом, Суд ЕАЭС является международным судом, призванным разрешать споры по применению права ЕАЭС по заявлению государства-члена ЕАЭС или хозяйствующего субъекта. Выделяются правоохранительная, правозащитная и правотворческая функции Суда ЕАЭС.

1.3. Развитие законодательства Евразийского экономического союза о хозяйствующих субъектах

³⁰ Исполинов А. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм? / А. Исполинов // Евразийский юридический журнал. - 2013. - № 5. - С. 19–26.

³¹ Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза / Ж. Кембаев // Международное правосудие. – 2016. - № 2. - С. 30–45.

Нормативно-правовая база ЕАЭС оперирует понятием хозяйствующего субъекта, подразумевая под ним юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства³². Данная категория в полном объеме унаследована от нормативной базы организаций-предшественников, в том числе из Договора об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 года. В соответствии с данным Договором указанный Суд рассматривал дела в рамках Таможенного союза по заявлению хозяйствующих субъектов и сформировал известную практику. Согласно ст. 1 Договора, хозяйствующим субъектом признавалось юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства – члена Таможенного союза или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве предпринимателя в соответствии с законодательством государства – члена Таможенного союза или третьего государства. Данная дефиниция оказалась настолько же удобной, насколько всеохватывающей, и в связи с ее очевидностью, видимо, оказалась за рамками текста ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе «Определения»³³, если только не предположить, что понятие основного участника экономической деятельности ЕАЭС не было зафиксировано в ст. 2 Договора о ЕАЭС «Определения» нарочно. Имеет смысл рассмотреть альтернативное предположение.

Авторы договора исходили из намерений, указанных в качестве первого и последнего определения, содержащегося в ст. 2: «гармонизации законодательства», т.е. сближения законодательства государств-членов, направленного на установление

³² Статут Суда Евразийского экономического союза. Ч. 2. Ст. 39. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза». Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 г., ред. от 10.10.2014 г., с изм. от 08.05.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах, и «унификации законодательства», т.е. сближения законодательства государств-членов, направленного на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором. Предусмотрев в той же статье, что «иные понятия, используемые в настоящем Договоре, понимаются в значениях, приведенных в соответствующих разделах настоящего Договора и приложениях к нему»³⁴, законодатели значения понятия «хозяйствующий субъект» не привели ни разу, вплоть до Приложения, содержащего Статут Суда ЕАЭС. Возможно, законодатели сочли не просто неуместным закрепление понятия «хозяйствующий субъект» среди основополагающих дефиниций ЕАЭС, но и дали понять, что данная категория является промежуточной, в дальнейшем ЕАЭС будет стремиться к определению более высокого порядка субъектов, осуществляющих экономическую деятельность и унификации их организационно-правовых форм.

Между тем действующий договор оперирует именно категорией хозяйствующего субъекта, вкладывая в неё практически то же содержание, что и закреплённое в нормативной базе организаций-предшественников. Непосредственно термин «хозяйствующий субъект» используется в Договоре 65 раз, впервые понятие применяется в ст. 61 в связи с закреплением функции ЕАЭС в проведении государствами-членами согласованной политики в сфере защиты прав потребителей, направленной на формирование равных условий для граждан государств-членов по защите их интересов от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов. В Разделе XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» понятие хозяйствующих субъектов систематически поясняется законодателями его аналогом «субъект рынка» равно как для государств-членов, так и для третьих стран³⁵.

³⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 г., ред. от 10.10.2014 г., с изм. от 08.05.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ Там же.

Понятие «субъект рынка» имеет, скорее, экономический смысл. Если законодатели вкладывают в конструкцию «хозяйствующий субъект (субъект рынка)» некий резерв роста или расширительное толкование, то такая позиция может быть однозначно прояснена уместной в данном разделе дефиницией. Если попарное наименование субъектов – дань привычке и не носит иной смысловой нагрузки, следует избавиться от отягощающего эквивалента. В таком случае выбор падёт на дополнение «субъект рынка», как более узкое понятие, не удовлетворяющее универсальным целям Договора о ЕАЭС. За пределами конкуренции субъектный состав помимо сугубо рыночных охватывает и иных участников. Это относится и к сфере энергетики (Раздел XX Договора), и транспорта, и образования, и судопроизводства, охваченным Договором о ЕАЭС.

Следует отметить, что по умолчанию, оставляя вопрос о наиболее приемлемых моделях осуществления хозяйственной деятельности в сфере национальной компетенции, тем не менее, государства – участники ЕАЭС в качестве приоритетной задачи систематически указывают на интеграцию.

В направлении интеграции осуществлялись НИР, в том числе в целях анализа законодательства государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в сферах, регулируемых договорно-правовой базой Таможенного союза и Единого экономического пространства, для определения исполнения государствами заключенных международных договоров и решений, принятых Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийской экономической комиссией (по итогам 2014 года); анализа нормативно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и разработки предложений и рекомендаций по созданию системы уникальной идентификации участников внешнеэкономической деятельности на территории Таможенного союза, с учетом ее интеграции с системой EORI; разработки методики проведения мониторинга исполнения государствами – членами Таможенного союза и Единого экономического пространства положений международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого

экономического пространства, исполнения решений, принятых Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийской экономической комиссией³⁶.

ЕАЭС предпринимаются конкретные меры, направленные на содействие предпринимательской активности, в частности, направленные на оценку регулирующего воздействия на хозяйствующие субъекты. В интеграционных целях 8 мая 2015 г. принято Решение Высшего Евразийского Совета «О плане мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности».

В то же время до сих пор вне поля пристального внимания оставался сравнительный анализ системы юридических лиц государств – участников ЕАЭС, которые составляют совокупность хозяйствующих субъектов. Мониторинг законодательства о субъектах стран-членов ЕАЭС помимо всех известных функций сравнительного правоведения способен стать фактором, способствующим упрочению сотрудничества в ЕАЭС и резервом роста. В настоящее время пять участников ЕАЭС – Беларусь, Казахстан, Россия, Армения и Киргизия, являются странами «постсоветской правовой семьи», более того, все названные государства имеют кодифицированный закон, регулирующий гражданские отношения и не знают дуализма гражданского права. Выразили желание вступить в ЕАЭС путём подачи заявлений Приднестровская Молдавская Республика, Южная Осетия, Абхазия, Луганская народная республика и Сирия. Перспективы принятия новых участников требуют дополнительной оценки национального законодательства о юридических лицах, а, возможно, и предложения рекомендованных конструкций юридического лица и моделей их ответственности.

Приведем сводную таблицу видов хозяйствующих субъектов Евразийского экономического союза в таблице 1.1., для следующих стран: Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия.

³⁶ Евразийская экономическая комиссия. Результаты научно-исследовательских работ [Электронный ресурс]. URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/NIR/Lists/List/AllItems.aspx>.

Таблица 1.1

Сводная таблица видов хозяйствующих субъектов Евразийского
экономического союза

Страны ЕАЭС	Россия ³⁷	Армения ³⁸	Беларусь ³⁹	Казахстан ⁴⁰	Киргизия ⁴¹
Виды хозяйствующих субъектов					
Наличие в ГК	да	да	да	да	да
Коммерческие организации					
Основные положения	да	да	да	да	да
Товарищества	да	да	да	да	да
Полное товарищество	да	да	да	да	да
Товарищество на вере	да	да	да	да	да
Товарищество с ограниченной ответственностью	нет	нет	нет	да	нет
Товарищество с дополнительной ответственностью	да	да	да	да	нет
Акционерное общество	да	да	да	да	да
ООО	да	да	да	нет	да
ОДО	нет	да	нет	нет	да
ОАО	да	да	да	да	да
ЗАО	нет	нет	нет	да	да
<i>Дочерние и зависимые общества</i>	аффил.	да	да	да	да

³⁷ Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

³⁸ Гражданский Кодекс Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus.

³⁹ Гражданский Кодекс Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9800218.

⁴⁰ Гражданский Кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880.

⁴¹ Гражданский Кодекс Кыргызской Республики. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30212538.

Продолжение таблицы 1.1.

Хозяйственные партнёрства	да	нет	нет	нет	нет
Крестьянское (фермерское) хозяйство	да	нет	да	нет	нет
Производственные кооперативы	да	да	да	да	нет
Государственные и муниципальные унитарные предприятия	да	нет	да	да	да
Некоммерческие организации					
Некоммерческие организации	да	да	да	да	да
Некоммерческие корпоративные организации	да	нет	нет	нет	нет
Потребительский кооператив	да	нет	да	да	да
Общественные организации	да	да	да	нет	да
Ассоциации и союзы	да	да	да	да	да
Товарищества собственников недвижимости	да	да	нет	нет	нет
Казачье общество, внесенное в государственный реестр казачьих обществ	да	нет	нет	нет	нет

Продолжение таблицы 1.1.

Общины коренных малочисленных народов	да	нет	нет	нет	нет
Фонды	да	да	да	да	да
Учреждения	да	нет	да	нет	да
Автономные некоммерческие организации	да	да (в ГК нет)	нет	да	нет
Религиозные организации	да	да (в ГК нет)	да	да	да

Законодательства всех государств – участников ЕАЭС признают деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, что и отражено в структуре сводной таблицы ОПФ хозяйствующих субъектов ЕАЭС. Более того, законодательство государств – участников ЕАЭС вкладывает в понятие коммерческой и некоммерческой деятельности одинаковый смысл: некоммерческой признается деятельность, прибыль от осуществления которой не предполагается к распределению между участниками. Большое разнообразие ОПФ некоммерческих организаций в Российской Федерации сложилось исторически, ранее их перечень устанавливался на основе Гражданского кодекса РФ и четырнадцати Федеральных законов. Законодатель в новой редакции ч. 3 ст. 50 ГК РФ включил все существовавшие на момент принятия редакции ОПФ, сформулировав, таким образом, перечень как исчерпывающий. Этот шаг носит прогрессивный характер, явно упростив поиск возможных легальных форм организации некоммерческой деятельности.

В отношении коммерческих организаций, которые, казалось бы, предполагаются основными участниками предпринимательской, в том числе внешнеэкономической деятельности, отечественный законодатель пошёл диаметрально противоположным путём. Обогатив общие положения о юридических лицах и, в частности, о хозяйственных обществах доктринальными

представлениями о лицах корпоративных и унитарных, публичных и непубличных, законодатель также обобщил представления о дочерних и зависимых обществах, изъяв нормы о них из ГК РФ, зато ввёл норму об аффилированности. Отечественный законодатель не стал требовать перерегистрации ранее созданных юридических лиц, установив методику применения новелл к существующим хозяйственным обществам. Однако без специальных знаний, систематического доктринального толкования понять систему коммерческих организаций в Российской Федерации представляется нелёгкой задачей. Возможно, логика законодателя состояла в обеспечении задела для дальнейшего реформирования системы юридических лиц, а предприниматели априори должны обладать профессиональными знаниями, в том числе юридическими.

В целом, помимо актуальной классификации на коммерческие и некоммерческие организации, новеллы легальной классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные, публичные и непубличные представляются разумными и перспективными. Однако следует иметь в виду, что в настоящий момент российское гражданское законодательство ушло в большой теоретический отрыв от партнёров по ЕАЭС. Эта ситуация не противоречит Договору о ЕАЭС, а после апробации на отечественном правовом поле может быть использована в плане моделирования единой концепции хозяйствующих субъектов ЕАЭС, гармонизации и унификации законодательства Евразийского экономического союза.

Формирование типовых моделей организационно-правовых форм юридических лиц для выполнения целей ЕАЭС соответствует смыслу задач, перечисленных в ст. 4 Договора об ЕАЭС:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Таким образом, развитие законодательства Евразийского экономического союза о хозяйствующих субъектах подразумевает развитие самого понятия хозяйствующий субъект и его функционирование в странах-членах ЕАЭС.

ГЛАВА 2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СУДОМ ЕАЭС

2.1. Компетенция суда ЕАЭС по спорам с участием хозяйствующих субъектов

В соответствии со Статутом Суд ЕАЭС имеет право рассматривать споры, инициированные либо государствами-членами ЕАЭС, либо частными лицами. Государства являются, без сомнения, привилегированными заявителями. Они не только вправе обжаловать акты или действия (бездействие) ЕЭК, но и ставить вопрос о несоответствии того или иного международного договора, заключаемого в рамках ЕАЭС, Договору о создании Союза, а также обжаловать действия другого государства-члена Союза на предмет соответствия договорам ЕАЭС и решениям институтов Союза. Никаких ограничений прав государств в этом отношении Статут не предусматривает.

В отличие от Статута Суда ЕврАзЭС, Статут Суда ЕАЭС не предусматривает возможности ЕЭК обратиться в Суд с иском против государства, нарушающего свои обязательства по праву ЕАЭС. Очевидно, это показалось государствам излишним, несмотря на то, что тот же Суд ЕврАзЭС мог выносить решения, признавая факт нарушения со стороны государства. Тем не менее, вопросы эффективного контроля над исполнением государствами своих обязательств остаются крайне важными для успешного развития любого интеграционного объединения. В этом отношении роль, которую играют наднациональные институты, такие как ЕЭК, трудно переоценить. Поэтому не исключено, что государства-члены ЕАЭС в будущем вернуться к идее наделить ЕЭК правом обращаться в Суд с исками о неисполнении государствами-членами Союза своих обязательств. Как показывает практика интеграционных объединений, обращения в Суд от государств в отношении других государств, нарушивших свои обязательства, чрезвычайно редки (в Европейском союзе рассмотрено шесть таких исков). Государства в первую очередь руководствуются политическими соображениями, а не эффективностью функционирования правопорядка интеграционных объединений. Эффективный контроль в этом случае

возможен только при наделении такими правами Комиссии. Ограничение круга субъектов, обладающих правом обращения в Суд, только государствами-членами делает контроль неэффективным.

Если же рассматривать статус частных лиц при их обращении в Суд ЕАЭС, то нужно отметить, что тот обширный набор ограничений, использованных государствами при создании сначала Суда ЕврАзЭС, а затем и Суда ЕАЭС, показывает опасения с их стороны как рисков активности потенциальных частных заявителей, так и той роли, которую частные заявители могут сыграть в появлении нежелательных для государств судебных решений.

Во-первых, с самого начала было решено, что заявителями в судах евразийской интеграции могут быть только юридические лица или индивидуальные предприниматели (как из государств-членов Союза, так и из других стран), и лишь при условии уплаты судебной пошлины⁴² (крайне редкое ограничение в мировой практике).

Во-вторых, обжаловать в эти суды частные лица могли только решения и действия (бездействие) ЕЭК, которые непосредственно затрагивают права и законные интересы заявителя. Требования о возмещении ущерба были исключены из юрисдикции евразийских судов, а обжаловать в апелляционном порядке можно лишь решение Суда ЕАЭС по существу, но не решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению.

Еще одним ограничением на пути заявителя в евразийские суды является требование об обязательном досудебном рассмотрении спора в ЕЭК, впервые появившееся в Договоре об обращении хозяйствующих субъектов в Суд ЕврАзЭС. Статья 4 этого Договора устанавливала, что заявление принимается Судом к рассмотрению только после предварительного обращения хозяйствующего субъекта в Комиссию Таможенного союза. Если Комиссия в течение двух месяцев не приняла мер по поступившему обращению, заявитель получал право обратиться в Суд ЕврАзЭС. Таким образом, требование о соблюдении досудебного порядка

⁴² Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

рассмотрения спора позиционировалось именно как обязательное условие для реализации права на судебную защиту. В статье 43 Статута Суда ЕАЭС это требование сформулировано уже по-другому: «Спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами». Таким образом, декларируется не только обязательность процедуры, но и цель такого обращения — досудебное урегулирование, на которое отводится не два месяца, как в Суде ЕврАзЭС, а три.

Если требование о юридическом статусе заявителя и об уплате им пошлины можно отнести к требованиям объективного характера, то положение о том, что оспариваемый акт или действие ЕЭК должны «непосредственно затрагивать» права и законные интересы заявителя, сразу же потребовало толкования со стороны Суда ЕАЭС в силу неопределенности термина «непосредственно». В Постановлении от 01.04.2015 по заявлению ЗАО «Капри» Суд формулировал критерии того, что именно будет считаться «непосредственно затрагивающим» права и законные интересы заявителя: 1) заявитель должен действовать в той отрасли, которая подпадает под сферу регулирования оспоренного акта ЕЭК; 2) заявитель должен понести реальный ущерб от применения этого акта.

Помимо функции разрешения споров Суд ЕАЭС имеет также консультативную юрисдикцию. О консультативных заключениях говорится в ст. 26 Статута Суда, где указано, что с запросом на такие заключения могут обращаться государства-члены и институты Сообщества, а также высшие суды государств-членов. Во многих международных судах помимо функции разрешения споров присутствует именно такая консультативная юрисдикция, суть которой в самом общем виде можно описать как подготовку заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм по запросам государств или международных организаций. Назовем это классическими консультативными заключениями. Такие заключения не имеют юридической силы и являются рекомендательными. Наиболее известны консультативные заключения (*advisory opinions*) Международного Суда ООН. Такая функция с 1970 г. есть и у ЕСПЧ

который может по просьбе Комитета министров Совета Европы выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции.

В новом Статуте Суда Союза полностью исключена функция вынесения преюдициальных заключений по запросам национальных судов, которая была у Суда ЕврАзЭС, хоть и в весьма скромном варианте. Однако именно преюдициальные заключения Суда ЕС сыграли решающую роль в формировании современного правопорядка Европейского Союза. Нет никаких сомнений, что решение государств лишить Суд ЕАЭС преюдициальной юрисдикции стало своеобразным ответом на Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС от 10.07.2013 (ставшее первым и единственным преюдициальным заключением Суда ЕврАзЭС), в котором Суд ЕврАзЭС предпринял попытку сделать из своего ответа на запрос белорусского суда норму права.

Представляется, что такой ответ является непропорциональным, так как полностью лишает Суд ЕАЭС возможности диалога с национальными судами, которые применяют акты Союза, непосредственно действующие в национальных правопорядках стран-членов Союза. Напротив, по мере развития евразийского интеграционного проекта все более очевидной становится необходимость наделения Суда правом давать преюдициальные заключения в ответ на запросы национальных судов. Без таких изменений, без диалога Суда Союза и национальных судов, нацеленного на единообразное применение норм права Евразийского Союза всеми национальными судами стран-членов, невозможно создание единого правового пространства и, как следствие, полноценного единого внутреннего рынка.

Отдельно нужно отметить, что Статут нового Суда не предусматривает юрисдикции Суда по трудовым спорам служащих институтов Союза. В соответствии с п. 46 Статута Суда ЕАЭС ему отведена скромная роль органа, который может лишь давать необязательные консультативные заключения по заявлениям сотрудников и должностных лиц органов Союза по вопросам трудовых отношений (в любом случае это нельзя считать преюдициальной юрисдикцией). Право Союза (п. 25 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и

иммунитетах в Евразийском экономическом Союзе) предельно категорично. Сотрудники не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых при непосредственном выполнении ими служебных обязанностей. Можно предположить, что все трудовые споры служащих ЕЭК выведены из-под юрисдикции каких-либо судов, что говорит об абсолютной судебной незащищенности сотрудников ЕЭК и других институтов Союза.

Такой порядок разительно отличается от юрисдикции региональных судов других интеграционных объединений, как правило, обладающих правом рассматривать трудовые споры сотрудников органов и институтов этих объединений. Это, безусловно, является на сегодня одним из слабых мест правопорядка ЕАЭС. Существующая система защиты прав сотрудников ЕЭК по меньшей степени проблематична и уж точно не соответствует международным стандартам. В этом отношении для ЕАЭС самое прямое отношение имеет устоявшаяся практика ЕСПЧ применительно к трудовым спорам служащих международных организаций. Первым знаковым делом стало решение ЕСПЧ, где ЕСПЧ впервые признал иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов относительным и зависящим от нескольких условий, в том числе и от доступной и эквивалентной альтернативы у заявителей. Последовавшая за ним практика европейских стран показывает, что национальные суды стали отказываться принимать во внимание нормы о судебном иммунитете международных организаций при рассмотрении трудовых споров их сотрудников, если суды не уверены, что на уровне организации есть адекватная защита прав сотрудников.

Возможно предположить, что судебная незащищенность сотрудников институтов ЕАЭС может привести как к решениям ЕСПЧ по этому вопросу, так и поставит в трудное положение российские суды, куда будут обращаться сотрудники ЕЭК за своей защитой. Их отказ принимать такие иски к рассмотрению, возможно, будет расценен ЕСПЧ как отказ заявителю в правосудии, с учетом отсутствия адекватной защиты на уровне ЕАЭС. К сожалению, в своем первом Заключении на

обращение сотрудников ЕЭК, вынесенном в июне 2016 г., Суд не дал оценки полноты судебной защищенности сотрудников ЕЭК с точки зрения современной международной практики. Суд ограничился утверждениями, что у Комиссии по этике, созданной в ЕЭК для целей разрешения конфликтных ситуаций, имеется «существенный правовой потенциал для разрешения конфликтных ситуаций», а у обращений сотрудников в эту Комиссию есть «правовая перспектива».

В соответствии с п. 111 Статута Суда ЕАЭС действие решения ЕЭК, признанного Судом не соответствующими Договору, продолжается и после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения. Действие оспоренного решения ЕЭК может лишь приостанавливаться по решению Суда. Таким образом, установлен даже более жесткий подход, чем в случае с Судом ЕврАзЭС⁴³. Это не только дает еще меньше оснований считать процедуру оспаривания актов ЕЭК процедурой аннулирования (на подобие существующей в Суде ЕС), но и говорит о намерении государств видеть в ней именно проверку акта ЕЭК на соответствие Договорам ЕАЭС и не более того. Также можно говорить о некоем ответе государств на практику Суда ЕврАзЭС, которая показалась им неприемлемой. Так, в получившем известность Постановлении Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 г.⁴⁴ дано разъяснение о правовых последствиях решения Суда об оспаривании актов ЕЭК. Столкнувшись с саботажем своего решения по заявлению ОАО «Южный Кузбасс», Суд ЕврАзЭС заявил, что признание Судом оспариваемого акта не соответствующим договорам об образовании Сообщества влечет за собой его ничтожность (недействительность) с даты его принятия, если иное не установлено самим Судом, а затем строго указал: «Правоприменительную практику судов государств-членов Таможенного союза в отношении ОАО «Южный Кузбасс»⁴⁵, а также в отношении аналогичных дел (!), привести в соответствие с настоящим решением». Как мы видим, речь шла не об устранении Судом лакуны или об

⁴³ Статут Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

⁴⁴ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

⁴⁵ Там же.

уточнении неясного положения, а о полной замене нормы договора нормой, созданной судом. При этом из аргументов Суда вытекало, что факт создания Суда на основе договора априори предопределяет обязанность государств принимать нормотворчество Суда. В новом Статуте Суда ЕАЭС государства дали ответ Суду, перекрыв тем самым его выводы в решении по «Южному Кузбассу».

Помимо закрепления в Статуте Суда своего представления о том, что влечет за собой признание акта ЕЭК не соответствующим положениям договоров ЕАЭС, государства постарались внести в Статут ряд положений, которые позволяют им не исполнять нежелательные им решения или ставить под вопрос легитимность решения Суда. Эти положения — красноречивое предупреждение на случай нежелательного толкования или нормотворчества Суда, расходящегося с интересами государств. К числу таких положений можно в первую очередь отнести положения Статута об исполнении решений Суда ЕАЭС. В соответствии со ст. 99–100 Статута решения Суда являются обязательными для исполнения сторонами спора. Однако далее ст. 114–115 говорят, что в случае неисполнения решения Суда вопрос может быть передан на рассмотрение Высшего Экономического Совета, т.е. политического органа Союза. Это приходится понимать как резервирование государствами возможности избежать нежелательных для них решений Суда через их неисполнение. Высший Совет, состоящий из президентов стран-членов ЕАЭС и принимающий решения консенсусом, и будет в конечном итоге решать вопрос о судьбе решения Суда ЕАЭС.

В качестве более серьезного варианта ограничения нежелательных решений Суда ЕАЭС выступает п. 102 Статута, который устанавливает, что «решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых». Смысл этого пункта в том, чтобы дать государствам основания не согласиться с решением и не исполнять его, опираясь при этом на его нелегитимность как результат нарушения Судом данной статьи Статута.

К числу мер, которые государства оставили в своем арсенале для нивелирования последствий нежелательных решений Суда ЕАЭС, относится и

предусмотренная ст. 47 Статута возможность совместного толкования государствами-членами ЕАЭС положений Договора о ЕАЭС. Более того, можно предположить, что такое толкование будет, как минимум, иметь больший вес, чем разъяснения, данные Судом в его решениях или заключениях. Статут ничего не говорит об обязательности такого толкования, но это не означает, что оно будет для Суда пустой бумажкой. Сегодня такое толкование рассматривается международным правом как последующее соглашение государств. В соответствии с п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров (1969), такое соглашение должно как минимум приниматься во внимание судами, созданными для применения таких международных соглашений. Понятно, что порядок совместного толкования еще не определен и пока трудно понять, как и при каких условиях это будет реализовано. Однако это не исключает того, что данный вариант в принципе не может быть реализован. Многое будет зависеть и от позиции самого Суда, для которого было бы фатальной ошибкой игнорировать эту статью и полагать, что только у него есть исключительное право толковать положения Договора о ЕАЭС. Государства Союза недвусмысленно показали, что намерены сохранять за собой последнее слово в вопросах толкования и уже сейчас зарезервировали такую возможность в Статуте Суда.

По сравнению с действующими сегодня судами интеграционных объединений, юрисдикция Суда ЕАЭС сильно ограничена, что может стать серьезным препятствием на пути формирования правопорядка Евразийского Союза. Юрисдикцию нынешнего Суда ЕАЭС сравнима с юрисдикцией Суда Европейского объединения угля и стали (далее — ЕОУС), действовавшего в период с 1953 по 1957 гг. Так же, как в Суде ЕОУС, заявителями могут быть только хозяйствующие субъекты (в суде ЕОУС — предприятия), оба суда лишены преюдициальной юрисдикции. Однако в отличие от Суда ЕАЭС, Суд ЕОУС с самого начала обладал правом судебного контроля в отношении актов исполнительного органа Сообщества. Как уже указывалось, Суд ЕАЭС не может рассматривать трудовые споры служащих Союза, лишен права рассматривать любые требования о возмещении ущерба, безотносительно к тому, идет ли речь об ущербе, причиненном

оспоренным актом ЕЭК, либо ущербе, возникшим из-за неосторожного причинения вреда, либо ущербе, вызванном незаконным увольнением служащего органов Союза. Такие ограничения сужают поле деятельности Суда, не способствуют росту его авторитета и легитимности суда ни у национальных судов, ни у потенциальных заявителей, которые могут предпочесть судебную защиту в других международных или национальных судах, оспаривая акты ЕАЭС в ЕСПЧ, в ОРС ВТО, в инвестиционных арбитражах, либо в конституционных судах стран-членов ЕАЭС⁴⁶.

При этом не должно вводить в заблуждение то, что согласно Договору о создании ЕАЭС Суд Союза является единственной судебной инстанцией в части обжалования частными лицами актов и решений ЕЭК. По факту Суд ЕАЭС уже сейчас конкурирует как с национальными судами стран-членов Союза (в первую очередь, с их конституционными судами), так и с другими международными судами, которые также могут признать свою юрисдикцию (пусть и косвенно) в отношении актов Союза. В этом отношении красноречив опыт немецкой компании «Фольксваген», которая сначала пыталась обжаловать антидемпинговые пошлины, введенные ЕЭК, в Суде ЕврАзЭС, но в итоге предпочла убедить свое правительство подать на Россию жалобу в ОРС ВТО.

Иностранные компании могут также попытаться обжаловать акты ЕЭК в инвестарбитраж, апеллируя при этом к положениям межгосударственных соглашений о защите инвестиций, заключенных Россией. Еще одним вариантом для потенциальных частных заявителей остается ЕСПЧ.

Конкуренция Суда ЕАЭС и КС РФ из разряда теоретических вопросов уже стала реальностью. Так, в нескольких решениях КС РФ постановил, что действующий в ЕАЭС Таможенный кодекс Таможенного союза применяется на территории России в толковании, данном КС. Более того, в определении от 03.03.2015⁴⁷ КС заявил о своем праве проверять акты ЕЭК на предмет их соответствия Конституции России, исходя из постулата, что только он решает вопрос о конституционности норм, действующих в правовом порядке России. В этот

⁴⁶ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

⁴⁷ Там же.

правопорядок входят не только национальные нормы, но и нормы международного права, включая Договор о создании Евразийского Союза и решения ЕЭК. Из этого КС РФ сделал вывод о своем праве рассматривать вопросы о конституционности решений ЕЭК, несмотря на то, что такая возможность напрямую не закреплена в законе «О Конституционном Суде».

По мнению КС РФ, членство в межгосударственных объединениях не должно приводить к нарушению прав человека и не должно создавать угрозу основам конституционного строя. Таким образом, КС РФ указал на два возможных основания для своего контроля над решениями ЕЭК, и главное из них — вопрос о правах человека. По убеждению КС РФ, участие России в ЕАЭС не освобождает Россию от конституционной обязанности защищать права человека. В противном случае основанная на принципе *pacta sunt servanda* обязанность России отдавать приоритет международным договорам при коллизии с национальными нормами может вылиться в «безоговорочное стремление выполнять взятые на себя обязательства» в ущерб правам человека, что, по мнению КС РФ, недопустимо.

2.2. Оспаривание бездействия Евразийской экономической комиссии как способ защиты прав хозяйствующих субъектов

Согласно пункту 1 Положения о Комиссии⁴⁸, ее основными задачами являются : обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза. При этом Комиссия не только является основным нормотворческим органом Союза, но и наделена юрисдикционными полномочиями.

В соответствии с п. 43 Положения о Комиссии, на Коллегию Комиссии возложены функции и полномочия по осуществлению мониторинга и контроля исполнения государствами - членами Союза международных договоров, входящих в

⁴⁸ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

право Союза, и решений Комиссии, а также по уведомлению государств-членов о необходимости их исполнения (подп. 5).

В условиях создания двухуровневого таможенного регулирования, масштабного и бурного процесса обновления правовой базы в области таможенного дела, неизбежно сопровождающегося возникновением разночтений, противоречий и нестыковок, проведение мониторинга и контроля исполнения международных договоров Союза и решений Комиссии является важнейшим направлением деятельности Комиссии, ориентированным на обеспечение единообразного применения актов Союза, а следовательно, и на защиту прав и законных интересов хозяйствующих субъектов государств - членов Союза.

Оспаривание хозяйствующими субъектами бездействия Комиссии по невыполнению ею функций по контролю и мониторингу является довольно распространенной категорией споров, рассмотренных наднациональными судами евразийского пространства (Судом ЕАЭС и его предшественником - Судом ЕврАзЭС). Как показывает судебная практика данных судов, дела указанной категории рассматриваются в основном не в пользу хозяйствующих субъектов. Представляется, что подобная статистика заставляет обратить пристальное внимание к проблеме оспаривания бездействия Комиссии.

В этом контексте особый интерес представляет решение Коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 года, вынесенное по результатам рассмотрения заявления индивидуального предпринимателя Республики Казахстан К.П. Тарасика об оспаривании бездействия Комиссии. В указанном решении изложен ряд общих исходных позиций, имеющих важное значение при рассмотрении данной категории споров⁴⁹. В частности, Коллегия Суда определила, что «неправомерное бездействие» - это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на них правом Союза, в частности оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если

⁴⁹ Официальный сайт Суда ЕАЭС: <http://courteurasian.org/sm.aspx?guid=13943>.

рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица).

Далее отмечено, что Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта при одновременном наличии следующих обязательных условий: а) действие (бездействие) Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности; б) действие (бездействие) Комиссии повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Как следовало из материалов дела, в период с 2012 по 2014 год в рамках предпринимательской деятельности К.П. Тарасик осуществлял поставку из США в Республику Казахстан транспортных средств, имеющих шасси грузового автомобиля. При выпуске транспортных средств таможенные органы Республики Казахстан потребовали от предпринимателя уплатить акцизный налог за ввезенные автомобили, отнесенные к транспортным средствам, произведенным на шасси легкового автомобиля, которые согласно Налоговому кодексу Республики Казахстану являются подакцизными товарами. К.П. Тарасик прошел все национальные судебные инстанции по обжалованию решений и действий таможенных органов, однако, его требования были оставлены без удовлетворения. Считая, что в данном случае имеет место нарушение принципов единообразного применения и реализации международных договоров Союза, в октябре 2014 года К.П. Тарасик обратился в Комиссию. По его мнению, в нарушение указанных им международных договоров органы власти Республики Казахстан изменили тип шасси грузовых автомобилей по сравнению с тем, как он установлен заводами-изготовителями (с грузового на легковой). Комиссия в письме от 27 ноября 2014 года сообщила К.П. Тарасику, что правовая оценка правомерности деятельности и решений таможенных органов государств-членов выходит за рамки компетенции Комиссии, а в качестве достаточной меры реагирования на обращение К.П. Тарасика сочла его перенаправление для рассмотрения в Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан.

В результате К.П. Тарасик обратился в Суд ЕАЭС с оспариванием бездействия Комиссии, выразившегося в неисполнении возложенных на нее функций по контролю и мониторингу исполнения международных договоров и решений Комиссии и неприятию мер по выявленным нарушениям, следствием чего, по мнению заявителя, стало начисление ему государственными органами Республики Казахстан акциза за период с 2012 по 2014 год и отказ в выпуске товара.

Таким образом, Коллегии Суда предстояло установить наличие у Комиссии обязанности осуществить в данном случае мониторинг и контроль. При этом правовая оценка бездействия Комиссии не могла быть дана без выяснения Судом ЕАЭС вопроса о процедуре мониторинга и контроля и ответа на краеугольный вопрос: является ли индивидуальное обращение хозяйствующего субъекта основанием для их проведения? В условиях отсутствия регламентированного порядка проведения мониторинга и контроля перед Судом ЕАЭС стояла непростая задача - восполнить, по сути, имеющийся пробел путем изложения собственного видения процедуры мониторинга и контроля.

Стоит отметить, что Суд ЕАЭС в данном случае не выступал первопроходцем, так как ряд существенных позиций относительно проведения Комиссией мониторинга Суда ЕврАзЭС уже изложил в решении Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС от 7 октября 2014 года по делу по заявлению ООО «Вичюнай-Русь» об оспаривании бездействия Комиссии по отказу в направлении запроса в Суд ЕврАзЭС о толковании и разъяснении применения международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза⁵⁰.

В частности, Апелляционная палата определила мониторинг как этап многостадийного процесса правоприменения, представляющего собой действия юрисдикционного органа по анализу соответствующей сферы правовых отношений с целью проверки соблюдения обязанными субъектами правовых норм и установлений. Результатом мониторинга, отметил Суд, является констатация факта надлежащего соблюдения обязанными лицами правовых норм либо установление

⁵⁰ Официальный сайт Суда ЕАЭС: <http://courteurasian.org/sm.aspx?guid=12013>.

факта их несоблюдения. В первом случае на этапе мониторинга правоприменительный процесс считается завершенным.

Во втором случае за констатацией факта несоблюдения правовых норм и установлений следует принятие юрисдикционным органом индивидуального решения о побуждении обязанного лица к соблюдению правовых норм. Также было отмечено, что, исходя из общих положений о функциях и полномочиях ЕЭК в ходе мониторинга, Комиссия опосредует функцию защиты прав и законных интересов неограниченного круга лиц, а значит, вправе начинать осуществление мониторинга при наличии предположения о нарушении прав и законных интересов неограниченного круга лиц.

При рассмотрении заявления К.П. Тарасика Суд ЕАЭС акцентировал внимание не столько на сущности мониторинга, сколько на круге субъектов, правомочных инициировать процедуру мониторинга и контроля.

В частности, Суд ЕАЭС указал, что мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Поэтому обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства какого-либо государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако, сведения, содержащиеся в таком обращении, могут использоваться как один из источников информации при проведении мониторинга в соответствующей сфере.

В результате Суд ЕАЭС констатировал, что отсутствие у Комиссии прямой обязанности проводить по индивидуальным обращениям хозяйствующих субъектов мониторинг и контроль за исполнением международных договоров в рамках ТС и ЕЭП и решений Комиссии позволяет прийти к выводу о необоснованности доводов истца о попустительстве ответчика, приведшем к неисполнению международных договоров. Кроме того, Суд сделал вывод о фактической бесперспективности проведения в данном случае мониторинга, указав, что «предполагаемый истцом результат мониторинга является недостижимым, поскольку нормативно-правовая

база ТС и ЕЭП прямо не предусматривает необходимость полного схождения законодательств членов в той или иной сфере экономической интеграции».

В то же время Суд ЕАЭС не исключил возможности инициирования проведения Комиссией мониторинга по обращениям хозяйствующих субъектов. Однако для начала процедуры хозяйствующему субъекту необходимо представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена существуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза и Таможенного союза, в государствах - членах Союза складывается разная практика применения международных договоров. Суд ЕАЭС вновь подтвердил отсутствие у Комиссии основания для начала процедуры мониторинга по обращению К.П. Тарасика, так как им в Комиссию не представлены доказательства неисполнения Республикой Казахстан международно-правовых обязательств в рамках ТС и ЕЭП, отсутствия единообразной практики применения международных договоров государствами - членами Союза, а имеющиеся у предпринимателя доводы о наличии иных подобных случаев в Республике Казахстан, по мнению Суда, лишь свидетельствуют о единообразном применении акцизного налога в республике. Данный вывод представляется довольно спорным.

Во-первых, в указанном деле Суд ЕАЭС дает несколько иную трактовку права хозяйствующего субъекта инициировать процедуру мониторинга, чем Суд ЕврАзЭС. В частности, Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС признала право хозяйствующего субъекта инициировать процедуру мониторинга в случае, если затронут его частный интерес, при этом подаватель заявления должен представить достаточные доказательства, подтверждающие факт нарушения его прав и законных интересов. О таком нарушении, как отметила Апелляционная палата, может свидетельствовать, в частности, неединообразие практики применения международных договоров ТС и ЕЭП, например сведения о том, что в разных государствах-членах складывается разная практика применения международных договоров ТС и ЕЭП.

Во-вторых, представляется, единообразное применение государствами - членами Союза своих национальных актов в нарушение международных договоров

Союза и решений Комиссии также указывает на неединообразное применение норм права Союза, влекущее нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Решением Коллегии Суда в удовлетворении заявления К.П. Тарасика было отказано, а бездействие Комиссии признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта. Представляется, что спорность содержащихся в нем отдельных выводов стала причиной появления особого мнения судьи К.Л. Чайки, который не согласился с основным выводом решения Коллегии Суда⁵¹. Он отметил, что проведение мониторинга и контроля является безусловной обязанностью Комиссии, у которой отсутствует дискреция по осуществлению указанных процедур при условии, что хозяйствующий субъект, обратившийся с соответствующим заявлением, должным образом подтвердил основания проведения мониторинга и контроля, что в рассматриваемом случае имело место. Также указал, что Коллегии Суда следовало оценить не принятие Комиссией мер по унификации косвенного налогообложения внешнеторговых сделок государств-членов с третьими странами, а обязанность Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля исполнения Республикой Казахстан указанных в заявлении К.П. Тарасика международных договоров и решений Комиссии, которые, по мнению К.Л. Чайки, в данном случае были нарушены. Констатировал также, что не может признаваться надлежащим действием по мониторингу и контролю предоставление К.П. Тарасику формального ответа, содержащего сведения о направлении его обращения на уровень государства-члена, действия которого обжаловал заявитель, так как в данном случае не достигается цель добросовестного и единообразного применения права Союза, защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Также судья указал, что Коллегии Суда надлежало сформулировать и разделить понятия мониторинга и контроля, выделить круг субъектов, наделенных правом обращаться с заявлением об открытии этих процедур. Действительно, анализ

⁵¹ Официальный сайт Суда ЕАЭС: <http://courteurasian.org/sm.aspx?guid=13953>.

решений наднациональных судов евразийской интеграции не позволяет определить их подход к обеим категориям, так как в основном оперируют категорией мониторинга, а категория контроля самостоятельного исследования не получила.

При этом К.Л. Чайка предложил использовать в качестве критерия разграничения мониторинга и контроля источник права Союза (международный договор в рамках Союза или решение Комиссии), исполнение которого подлежит проверке. Согласно приведенной судьей аргументации процедура мониторинга применяется Комиссией в отношении проверки исполнения международных договоров, а в отношении решений Комиссии по вопросам, переданным из ведения государств-членов на наднациональный уровень, - контроль. Однако указанный подход вряд ли может считаться оптимальным, так как процедуры мониторинга и контроля не просто отделяются друг от друга, а исключают друг друга - в отношении исполнения международных договоров применяется только мониторинг, в отношении решений Комиссии - только контроль.

Представляется, что мониторинг исполнения международных договоров и решений Комиссии, в отличие от контроля, имеет более широкое содержание и включает сбор, обобщение, анализ, систематизацию, учет информации о ходе исполнения международных актов, оценку их эффективности и результативности, выработку предложений. Контроль является неотъемлемой частью мониторинга и направлен на сбор информации об исполнении международных актов, выявление фактов их неисполнения, а также принятие мер по пресечению случаев невыполнения.

В данном случае хозяйствующие субъекты правомочны инициировать проведение Комиссией только контроля, но никак не мониторинга. Однако при указанном подходе понятия мониторинга и контроля должны быть четко нормативно разграничены. Вместе с тем не менее, а возможно, и более целесообразным с точки зрения защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов видится рассмотрение мониторинга и контроля как единой процедуры, в рамках которой мониторинг и контроль взаимодополняют, но не исключают друг

друга. Данный подход также должен получить официальное подтверждение, а не подразумеваться и домысливаться.

Следует учитывать, что решение Коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 года не вскрывает, а лишь в очередной раз подтверждает проблему отсутствия надлежащей регламентации полномочий Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля. В этом контексте нельзя не упомянуть Постановление Суда ЕАЭС от 10 марта 2015 года по заявлению ТОО «Гамма» к ЕЭК, которое также касалось оспаривания бездействия Комиссии по непроведению мониторинга и контроля за исполнением условий международных договоров и принятию мер по выявленным нарушениям вследствие взимания налоговыми органами Республики Казахстан рентного налога на экспорт при вывозе угля на территорию Российской Федерации⁵². Как следовало из Постановления, заявитель, считая взимание рентного налога незаконным и противоречащим международным договорам, заключенным в рамках ТС и ЕЭП, неоднократно обращался в 2014 году с соответствующими заявлениями в Комиссию.

Кроме того, заявитель просил обязать Комиссию вынести соответствующее решение с его последующим направлением в адрес Правительства Республики Казахстан о необходимости исполнения условий международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан в части неправомерности взимания налоговыми органами Республики Казахстан рентного налога на экспорт в отношении казахстанских предприятий, осуществляющих реализацию угля на территории Российской Федерации.

Однако Комиссия ограничивалась письмами разъяснительного характера в адрес заявителя. Суд ЕАЭС отказал в принятии заявления к производству, аргументировав свое решение тем, что из представленных материалов не усматриваются сведения о нарушении Комиссией предоставленных заявителю в рамках международных договоров прав и законных интересов, и к его компетенции

⁵² Официальный сайт Суда ЕАЭС: <http://courteurasian.org/sm.aspx?guid=12843>.

не отнесены полномочия по рассмотрению споров об обязывании органов Союза к совершению юридически значимых действий⁵³.

В связи с этим не может не вызывать по меньшей мере недоумение тот факт, что должностное лицо отдела организации мониторинга и судебно-правовой работы Правового департамента Комиссии в своем выступлении в июне 2015 г. вышеуказанный факт нарушения государством - членом Союза права Союза обозначил как пример результата проведения Комиссией мониторинга, заявив о праве Комиссии направить в Республику Казахстан уведомление⁵⁴! Иными словами, как справедливо отмечает Т.Н. Нешатаева, «практика показывает, что в настоящее время ЕЭК уклоняется от последовательного исполнения своих обязанностей по установлению единообразного применения международных договоров Союза в ответ на обращения хозяйствующих субъектов, предлагая им обратиться в Суд Союза без собственного обращения к государствам-членам»⁵⁵.

2.3. Проблемы и перспективы суда ЕАЭС в системе органов международного правосудия

Несмотря на прекращение деятельности ЕврАзЭС, реформирование Суда ЕврАзЭС было возможным, поскольку Суд ЕврАзЭС обладал компетенцией по разрешению споров в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического пространства. Об этом свидетельствуют и ранние проекты Статута Суда ЕАЭС⁵⁶.

Несмотря на то, что решения Суда ЕврАзЭС сохраняют свою юридическую силу и могут быть использованы Судом ЕАЭС в качестве *stare decisis*, в решениях

⁵³ Официальный сайт Суда ЕАЭС: <http://courteurasian.org/sm.aspx?guid=12843>.

⁵⁴ Савостьян С. Авторитет международной организации зависит от наличия необходимых правовых гарантий исполнения ее решений / С. Савостьян [Электронный ресурс] // http://www.postkomsg.com/expert_opinion/204131/.

⁵⁵ Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение - цель Суда Евразийского экономического союза / Т.Н. Нешатаева // Международное правосудие. - 2015. - N 2. - С. 31-36

⁵⁶ Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. Т.Н. Нешатаевой. - М.: Статут, 2015. - С. 131.

Суда ЕАЭС, как правило, отсутствуют ссылки на акты Суда ЕврАзЭС даже при формулировании схожих правовых позиций.

Пункт 39 Статута классифицирует дела о разрешении споров по субъектам, которым предоставлено право на обращение в Суд (государство - член ЕАЭС или хозяйствующий субъект). В соответствии с пунктом 46 Статута к компетенции Суда также отнесено вынесение консультативных заключений по заявлениям о разъяснении. В целях ясности полагаем необходимым предложить иную систему классификации - на основании предмета обращения.

1. Дела о соответствии международного договора в рамках ЕАЭС или его отдельных положений Договору о Евразийском экономическом союзе.

Данное средство правовой защиты, зарезервированное за государствами - членами ЕАЭС, на настоящий момент ни разу не использовалось и пока вызывает ряд вопросов. Во-первых, определение этого вида заявления в качестве основания для возбуждения дела о разрешении спора предполагает наличие двух сторон - истца и ответчика. Международные договоры в рамках ЕАЭС подписываются главами государств на заседаниях Высшего Евразийского экономического совета. При этом сам Совет в этом случае служит лишь «платформой» для заключения международного договора и не может выступать ответчиком. Также стоит отметить, что в соответствии с пунктом 43 Статута «спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке». Соответственно, ответчиком по данной категории споров могут быть только государства. Как следствие, если одно из государств полагает, что между некоторыми положениями международного договора в рамках Союза и Договора о Союзе существует противоречие, оно должно будет обратиться в досудебном порядке ко всем остальным участникам с предложением о внесении изменений. Представить такую ситуацию на практике чрезвычайно сложно хотя бы потому, что любой международный договор в рамках Союза принимался с согласия всех государств (каждое из которых имело возможность наложить на него «вето»). Что касается

вновь присоединившихся к Союзу государств, то со вступлением в ЕАЭС они присоединяются и ко всем международным договорам, входящим в право Союза.

Так, согласно статьям 1 Договоров о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе, данные государства присоединяются к Договору о Евразийском экономическом союзе, а также к другим заключенным в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства международным договорам, входящим в право ЕАЭС. Соответственно, любые разногласия должны устраняться на этапе переговоров о вступлении.

Нет сомнений в том, что механизм контроля соответствия заключаемых в рамках Союза международных договоров Договору о ЕАЭС необходим. Однако подобный контроль мог бы осуществляться не *ex post*, а *ex ante*, подобно механизму контроля законности заключаемых Европейским союзом международных договоров с третьими странами в рамках статьи 218 Договора о функционировании Европейского союза (далее - ДФЕС). Пункт 6 статьи 218 ДФЕС предоставляет возможность государствам - членам или институтам Союза запросить мнение Суда ЕС относительно планируемого договора.

В случае обращения с запросом заключение Суда ЕС будет обязательным. Как показывает практика, запросы могут касаться как наличия у ЕС компетенции по заключению международного договора (единолично или совместно с государствами-членами) (например, в заключении 2/94 (ECLI:EU:C:1996:140) Суд ЕС рассматривал вопрос о том, обладает ли Сообщество компетенцией для присоединения к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), так и соответствия положений международного договора базовым договорам в рамках ЕС, а также основным принципам права ЕС (например, в заключении 2/13 (ECLI:EU:C:2014:2454) Суд ЕС пришел к выводу, что Соглашение о присоединении ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не соответствует статье 6(2) Договора о Европейском союзе и Протоколу).

Вторым вопросом, требующим прояснения, являются последствия признания Судом не соответствующими Договору о ЕАЭС отдельных положений

международного договора в рамках Союза. Можно предположить, что в этом случае Комиссия и государственные органы государств - членов Союза должны будут воздерживаться от применения соответствующих положений международного договора, а перед государствами-членами в соответствии с принципом добросовестного сотрудничества встанет задача внесения изменений в международный договор в рамках Союза или в Договор о Союзе.

2. Дела о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору о Евразийском экономическом союзе или международным договорам в рамках Союза.

Данный вид заявлений может быть подан государствами-членами, а также, при соблюдении некоторых условий, хозяйствующими субъектами. Разница в правовом положении этих двух категорий заявителей заключается не только в более строгом *locus standi* для хозяйствующих субъектов (они могут обжаловать только те решения ЕЭК, которые непосредственно затрагивают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности), но и в том, что только государства-члены вправе просить Суд также проверить решение Комиссии на соответствие решениям органов Союза. Отсутствие подобного права у хозяйствующих субъектов можно объяснить тем фактом, что решения Высшего Евразийского экономического совета и Межправительственного совета не обладают прямым действием и не наделяют правами частных лиц. При этом следует также отметить, что Статут Суда не препятствует заявителям ссылаться на иные нормы права, касающиеся применения Договора или международных договоров в рамках Союза при условии, что эти нормы обладают прямым действием. Так, Апелляционная палата Суда в решении по делу Дженерал Фрейт пришла к выводу, что Конвенция о Гармонизированной системе «наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС»⁵⁷. Схожим образом ничто не препятствует заявителям ссылаться на иные основания признания решения Комиссии не соответствующим

⁵⁷ Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 21 июня 2016 года по делу N CE-1-2/2-16-АП по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/database>.

праву Союза, такие, как отсутствие компетенции, нарушение существенных процедурных требований или злоупотребление полномочиями. Так, в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 45 Регламента, Суд в рамках рассмотрения данного вида дел осуществляет проверку «полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения». Суд дал широкое толкование данному положению в деле Севлад⁵⁸, отметив необходимость проверить соблюдение Комиссией существенных процедурных требований.

Ключевым элементом при рассмотрении дел об оспаривании решений Комиссии по заявлениям хозяйствующих субъектов является *locus standi* истца, который можно рассматривать в качестве одного из критериев оценки доступности правосудия.

Норма подпункта 2 пункта 39 Статута о праве хозяйствующих субъектов на обращение с заявлением об обжаловании решения, действия или бездействия Комиссии содержит два условия:

1) установление факта того, затрагиваются ли права хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) установление факта того, нарушаются ли предоставленные Договором о Союзе или международными договорами права или законные интересы.

Важно отметить, что, как было установлено Судом в деле Севлад, факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования проверяется Судом лишь на стадии рассмотрения дела по существу. Как отметил Суд, «проверке факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществление проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии»⁵⁹. Следовательно, первоначально проводится проверка решения на соответствие праву Союза, и только в случае положительного ответа на этот вопрос Суд переходит к

⁵⁸ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-KC по заявлению ООО «Севлад» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.

⁵⁹ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-KC по заявлению ООО «Севлад». Подпункт 7.2.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.

проверке того, были ли нарушены права или законные интересы истца в результате этого несоответствия.

Таким образом, к *locus standi* хозяйствующего субъекта относится только первое требование - чтобы его права и законные интересы были затронуты.

В решении Коллегии по делу Севлад Суд также указал: «В соответствии с принципом правовой определенности решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью»⁶⁰. Таким образом, Суд однозначно высказался за максимально широкую трактовку данного критерия, что делает судебную защиту более доступной. Хозяйствующему субъекту не нужно доказывать, что решение Комиссии применялось к нему, достаточно показать, что оно могло применяться.

От этой ситуации нужно отличать ту, которая была предметом оценки в деле Капри⁶¹, где заявитель пытался добиться аннулирования решения Комиссии, предоставляющего лучшие условия его конкурентам, осуществляющим деятельность в смежной сфере. При этом сам заявитель не ввозил товар, в отношении которого действовало решение Комиссии. Суд Союза, отказывая в принятии заявления к производству, прямо указал, что заявитель не обосновал, каким образом оспариваемое решение Комиссии «непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»⁶².

Сравнивая *locus standi* частных лиц в рамках иска об аннулировании в Суде ЕС (ст. 263 ДФЕС) и положение хозяйствующих субъектов в Суде ЕАЭС, следует отметить, что условия доступа к Суду ЕАЭС более либеральны.

⁶⁰ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-КС по заявлению ООО «Севлад». Пункт 6.2. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.

⁶¹ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 1 апреля 2015 года по делу N CE-3/2-15-КС по заявлению ЗАО «Капри» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-14373>.

⁶² Там же. С. 3.

Во-первых, в Суде ЕС истцу необходимо доказать, что оспариваемый акт затрагивает его не только непосредственно (*direct concern*), но и индивидуально (*individual concern*). Для этого необходимо показать, что акт затрагивает именно истца в силу особых свойственных ему отличительных черт или в силу обстоятельств, отличающих его от всех других лиц, которых может затрагивать акт. Данное положение продиктовано не столько желанием ЕС гарантировать правовую определенность (в ЕС существует процедура косвенного обжалования через преюдициальный запрос, который никаким сроком не ограничен), сколько стремлением заставить пройти часть заявителей через определенный фильтр в лице национальных судебных органов, что позволяет исключить явно неприемлемые иски.

Во-вторых, в статье 263 ДФЕС для обжалования актов установлен жесткий срок в два месяца. Вместе с тем следует отметить, что статья 263 ДФЕС позволяет заявителям обжаловать любые юридически обязательные акты институтов ЕС, тогда как в Суде ЕАЭС хозяйствующие субъекты вправе обжаловать только решения Комиссии.

3. Дела об оспаривании действия (бездействия) Комиссии

Данный вид дел во многом схож с делами о соответствии решений Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и может быть инициирован как государствами-членами, так и хозяйствующими субъектами. Следует отметить, что в отличие от ЕС, где обжалование бездействия институтов является отдельным средством правовой защиты, Статут не предусматривает такого разделения.

Учитывая, что право Союза не содержит определение понятия «бездействие», Суд ЕАЭС в одном из своих первых дел, деле Тарасика, сделал выбор в пользу широкого определения данного понятия. Как указал Суд, «в общем смысле <неправомерное бездействие> - это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу

обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица)»⁶³. Суд пошел еще дальше, установив, что отрицательный ответ Комиссии может быть обжалован в рамках иска о бездействии, «если совершение испрашиваемого заявителем действия является ее прямой обязанностью, которая не может быть делегирована иным лицам (так называемая <специальная обязанность>)». Таким образом, Суд ЕАЭС остановил свой выбор на подходе к бездействию, свойственному судам государств - членов ЕАЭС.

Для сравнения: в Суде ЕС рассмотрение дела о бездействии прекращается, как только институт вырабатывает ясную позицию (даже если отрицательный ответ института представлен уже после принятия заявления к производству). Это делает иск о бездействии малоэффективным средством правовой защиты, своего рода промежуточным шагом перед обращением с иском об аннулировании и заслуженно подвергается критике в научной доктрине. Выбор Суда ЕАЭС в пользу широкого толкования бездействия был также обусловлен тем фактом, что в отличие от права ЕС, где иск о бездействии является самостоятельным средством правовой защиты, в Статуте Суда обжалование действия и бездействия Комиссии объединено. В связи с этим, а также с учетом ограниченного числа средств правовой защиты выбор Суда ЕАЭС призван сделать обжалование бездействия максимально эффективным средством правовой защиты.

4. Дела о неисполнении государствами своих обязательств.

В отличие от Суда ЕврАзЭС, где возможность обращаться в суд с заявлением о несоблюдении права Таможенного союза государством-членом была предоставлена исключительно Комиссии, в Суде ЕАЭС это право зарезервировано за государствами - членами Союза. Несмотря на то, что за три года существования Суда ЕврАзЭС Комиссия ни разу не воспользовалась данным полномочием, данное изменение существенно ослабило полномочия Комиссии по проведению

⁶³ Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по делу N CE-1-2/2-15-KC по заявлению ИП Тарасика К.П. к Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-14443>.

мониторинга и контроля соблюдения права Союза, лишив ее важного инструмента воздействия на государства. Для сравнения: в Европейском союзе прерогативой по обращению с иском о неисполнении государствами-членами своих обязательств обладает Европейская комиссия; государства-члены вправе это делать лишь при отказе Комиссии. Данное правило во многом позволяет избежать видимости напряженных отношений между государствами.

Первое же рассмотренное Судом ЕАЭС дело, инициированное Российской Федерацией (дело о Калининградском транзите), получило широкий резонанс. В своем решении⁶⁴ Большая Коллегия пришла к выводу о несоблюдении таможенными органами Республики Беларусь права Союза⁶⁵.

5. Дела о разьяснении.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суд по заявлению государства-члена или органа Союза разьясняет положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. С заявлениями о разьяснении положений права Союза, связанных с трудовыми правоотношениями, могут обращаться сотрудники и должностные лица органов Союза и Суда. По данным делам Суд выносит консультативные заключения.

Одним из основных вызовов, с которым столкнулся Суд ЕАЭС, является ограничение его компетенции. Несмотря на то, что в отдельных аспектах ограничение компетенции реально, во многих случаях к числу ограничений причисляют и нормы Статута, неспособные оказать какого-либо существенного влияния на деятельность Суда⁶⁶.

В пункте 47 Статута Суда указано: «Осуществление Судом разьяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-

⁶⁴ Суд ЕАЭС. Решение Большой Коллегии Суда от 21 февраля 2017 года по делу N CE-1-1/1-16-БК по спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-17943>.

⁶⁵ Исполинов А.С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_poli.

⁶⁶ Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств - членов Евразийского экономического союза // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2016. N 4. С. 152 – 166.

члены права на совместное толкование ими международных договоров». Некоторые юристы восприняли эту норму как свидетельствующую о том, что Суд ЕАЭС не обладает исключительным правом на толкование права Союза.

Вместе с тем следует отметить, что право на совместное толкование норм международного договора присуще государствам по умолчанию в силу общей теории права международных договоров. В комментарии Комиссии по международному праву по проекту статей о толковании прямо указано: «Соглашение о толковании отдельных положений договора, достигнутое после заключения договора, представляет собой аутентичное толкование сторон, которое должно рассматриваться как неотъемлемая часть договора».

По мнению Р. Гардинера, аутентичное толкование порой «вытесняет» иные виды толкований, особенно если такое толкование дается уже после того, как вынесено арбитражное или судебное решение. Можно утверждать, что аутентичное толкование имеет приоритет над иными видами толкования.

Превосходство аутентичного толкования признается и в отечественной теории международного права. Так, А.Н. Талалаев отмечал: «Аутентичное толкование обладает наибольшим эффектом и наибольшей юридической силой. Будучи основанным на соглашении сторон, оно является обязательным для участников договора и не может быть изменено одним из них без согласия другого»⁶⁷.

В Европейском союзе государства-члены также являются безусловными «хозяевами» учредительных договоров. Они имеют право не только вносить в них изменения, но и осуществлять их совместное толкование, о чем свидетельствуют многочисленные приложения к учредительным договорам в форме совместных заявлений о толковании отдельных положений учредительных договоров. Данные документы входят в первичное право Союза и являются обязательными, в том числе и для Суда ЕС. Вместе с тем такой порядок вещей не ставит под сомнение исключительное полномочие Суда ЕС по толкованию права Европейского союза и

⁶⁷ Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / Отв. ред. Л.Н. Шестаков. - М.: Зерцало, 2017. - С. 85.

не дает повода для утверждений, что свои полномочия по толкованию Суд «делит» с государствами-членами.

При таких обстоятельствах указание в пункте 47 Статута на право государств-членов на совместное толкование не может рассматриваться как ограничение компетенции Суда. Вместе с тем нужно признать, что соответствующее положение выглядело бы уместнее не в Статуте, а в разделе XXVIII «Заключительные положения» Договора о Евразийском экономическом союзе.

К числу недостатков компетенции Суда ЕАЭС относят норму пункта 102 Статута, согласно которой решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых⁶⁸.

На первый взгляд, это влечет для Суда невозможность восполнять пробелы. В действительности все несколько иначе. Пункт 102 Статута является способом защиты от судейского активизма, под которым принято понимать осуществление судом квазизаконодательных функций. Вместе с тем в Консультативном заключении от 8 июля 1996 года Международный Суд ООН отметил: «Суд излагает существующее право и не занимается законотворчеством. Это остается справедливым даже несмотря на то, что при формулировании и применении права Суду необходимо определить область его применения и иногда - его основные тенденции».

В этом плане пункт 102 Статута не следует рассматривать в качестве ограничения полномочий Суда. Данное положение не является препятствием для толкования права Союза на основе общепризнанных принципов и норм международного права, международного обычая как доказательства всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. При таком толковании не создается новая норма права Союза - пробел в существующей норме восполняется на основе вышеперечисленных, уже существующих источников права.

⁶⁸ Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы / Ж.М. Кембаев // Российский юридический журнал. - 2016. - N 2. - С. 32 – 45.

Что касается отмены действующих норм права Союза, то здесь уместно провести параллель с Конституционным Судом Российской Федерации, относительно которого высказывается мнение, что хотя он «не создает новых норм права, однако в компетенцию данного судебного органа входит «изъятие» того или иного нормативного акта или отдельных его положений... из области правоприменения»⁶⁹.

В соответствии со Статутом действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда⁷⁰. Это также вытекает и из пункта 102 Статута, согласно которому решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза. При этом, согласно пункту 112 Статута, Суд вправе при наличии ходатайства приостановить действие признанного не соответствующим праву Союза решения Комиссии с момента вступления в законную силу решения Суда. Таким образом, хотя Суд ЕАЭС и не обладает полномочием напрямую отменять решения Комиссии, он имеет возможность исключить его применение с момента вступления в силу решения Суда

Пункт 113 Статута Суда возлагает на Комиссию обязанность «в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, если иной срок не установлен в решении Суда, исполнить вступившее в силу решение Суда». Вопрос о способах исполнения решения Суда напрямую не урегулирован в праве Союза, но представляется, что единственно возможными последствиями признания решения ЕЭК не соответствующим праву Союза будет либо внесение изменений в решение Комиссии (в случае признания не соответствующими праву Союза его отдельных положений), либо его отмена.

При этом полагаем, что Комиссия не сможет преодолеть неправомерность решения путем принятия нового, идентичного предыдущему, если только

⁶⁹ Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд. - М.: Статут, 2014.

⁷⁰ Пункт 111 Статута Суда. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

выявленное нарушение не относилось к нарушению существенных процедурных требований. Примером последней ситуации является правило пункта 276 приложения N 8 к Договору о ЕАЭС, согласно которому решение Комиссии о введении специальных защитных, антидемпинговых или компенсационных мер, «признанное Судом Союза не соответствующим Договору... приводится Комиссией в соответствие с Договором... путем проведения по инициативе органа, проводящего расследования, повторного расследования, в части, необходимой для исполнения решения Суда Союза».

Суд Европейского союза в этом плане наделен большим объемом полномочий, поскольку статья 264 ДФЕС позволяет Суду ЕС в рамках исков об аннулировании признать акт Европейского союза ничтожным. Тем не менее, Суд ЕС далеко не всегда пользуется данной возможностью, предпочитая во многих случаях ограничивать действие собственных решений (например, в случае признания решения не соответствующим праву ЕС по процедурным основаниям Суд ЕС чаще всего оставляет акт в силе на какое-то время во избежание правового вакуума).

Статутом предусмотрено, что по делам о разрешении споров Суд выносит решения, «которые являются обязательными для исполнения» государствами-членами или Комиссией, в то время как по делам о разъяснении Суд выносит консультативное заключение, «имеющее рекомендательный характер». На первый взгляд, данные формулировки позволяют сделать вывод о необязательности консультативного заключения и о его «слабости» по сравнению с решением. Вместе с тем разница между двумя видами судебных актов не столь велика, как может показаться.

К числу реальных ограничений компетенции Суда ЕАЭС следует отнести отсутствие у Суда права рассматривать требования о возмещении убытков⁷¹, а также невозможность взыскать судебные расходы в пользу проигравшей стороны⁷².

Полагаем, что первое ограничение столь очевидно, что не нуждается в комментариях, а что касается второго, то его можно оценивать с двух точек зрения.

⁷¹ Пункт 61 Статута Суда. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

⁷² Пункт 66 Статута Суда. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

С одной стороны, тот факт, что «каждая сторона спора несет свои судебные издержки самостоятельно», позволяет в некоторой степени уменьшить риски хозяйствующих субъектов, поскольку они могут заранее рассчитать размер собственных судебных издержек и не обязаны в случае проигрыша компенсировать расходы другой стороны.

С другой стороны, в делах об оспаривании мер защиты внутреннего рынка правило о невозможности возложить расходы на проигравшую сторону следует оценивать критически, поскольку при производстве по данным делам на хозяйствующих субъектов возложено бремя расходов по оплате экспертов специализированных групп⁷³.

Так, в деле АрселорМиттал размер оплаты расходов экспертов специализированных групп составил 2 255 000 российских рублей⁷⁴. Полагаем, что невозможность возместить эти расходы можно рассматривать в качестве запретительного барьера при обращении в Суд. Складывается ситуация, при которой хозяйствующий субъект в наднациональном правопорядке поставлен в худшее положение, чем при обращении в национальные суды, где презюмируется взыскание с проигравшей стороны судебных расходов, в том числе на оплату услуг экспертов. Представляется, что при признании мер защиты внутреннего рынка не соответствующими праву Союза Суду следует предоставить возможность взыскать расходы с проигравшей стороны.

Еще одним реальным ограничением компетенции Суда ЕАЭС является отсутствие у него, в отличие от Суда ЕврАзЭС, возможности давать заключения о применении Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений ЕЭК с использованием процедуры преюдициального запроса - на основании обращений национальных судов. Все исследователи единодушно дают

⁷³ Пункт 6 решения Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года N 102. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

⁷⁴ Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 14 декабря 2016 года по делу N CE-1-2/4-16-KC по заявлению ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-17143>.

негативную оценку подобному изменению компетенции Суда⁷⁵, отмечая, что это «может стать серьезным препятствием на пути формирования правопорядка Евразийского союза, сужает поле деятельности Суда, не способствует росту его авторитета и легитимности ни у национальных судов, ни у потенциальных заявителей»⁷⁶, приводит к «исключению национальных судов из евразийской судебной системы». Высказывается даже мнение, что произошло «поражение Суда в правах»⁷⁷.

Отчасти высказываемую критику следует признать справедливой. Действительно, преюдициальная процедура является наиболее эффективным инструментом обеспечения единообразного толкования и применения интеграционного права. Она представляет собой уникальную систему взаимодействия между национальными судами и наднациональным судом. В Европейском союзе именно в рамках данной процедуры были приняты важнейшие решения Суда ЕС, предопределившие развитие права ЕС в различных областях.

Вместе с тем ситуация не столь драматична. Во-первых, роль преюдициальных запросов в практике взаимодействия Суда ЕврАзЭС с национальными судами не следует переоценивать. Во-вторых, имеются пути компенсировать утраченное полномочие.

Право обращения в Суд ЕврАзЭС с запросом о вынесении заключения по вопросам применения международных договоров Таможенного союза и актов Комиссии Таможенного союза было предоставлено высшему органу национальной судебной власти при соблюдении двух условий:

1) соответствующий акт права Таможенного союза затрагивает права и законные интересы хозяйствующих субъектов;

⁷⁵ Ануфриева Л.П. Право ВТО и право ЕврАзЭС/ЕАЭС // Право ВТО: теория и практика применения / Под ред. Л.П. Ануфриевой. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. - С. 321 – 333.

⁷⁶ Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза / А.С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - № 4. - С. 152–166.

⁷⁷ Исполинов А.С. Договор о Евразийском союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС (часть 1). URL: https://zakon.ru/blog/2014/6/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1.

2) эти вопросы существенно влияют на разрешение национальным судом дела по существу.

Данное право могло быть реализовано высшим органом судебной власти как по собственной инициативе, так и по ходатайству хозяйствующего субъекта. Права ходатайствовать о направлении запроса были лишены органы государственной власти, что фактически приводило к нарушению принципов равенства и состязательности в национальном процессе.

Существенным отличием от преюдициального запроса в праве ЕС в ЕврАзЭС являлось отсутствие соответствующих полномочий у судов нижестоящих инстанций. При этом анализ официальной статистики показывает, что только 45% от всех преюдициальных запросов в Суд ЕС было направлено высшими судами.

Право высшего суда государства - члена ЕврАзЭС на обращение с преюдициальным запросом трансформировалось в обязанность лишь в случае, если решение данного суда по конкретному делу не подлежало обжалованию.

Эти обстоятельства в совокупности с нежеланием национальных судов быть связанными толкованием, данным Судом ЕврАзЭС, объясняют тот факт, что высшими судами Российской Федерации не было направлено ни одного запроса в Суд ЕврАзЭС по собственной инициативе, а двенадцать ходатайств участников процесса о направлении запроса не увенчались успехом. При этом в десяти случаях о направлении запроса просил ненадлежащий субъект - таможня⁷⁸, в одном случае суд установил, что поставленный участником дела вопрос не входит в сферу права Таможенного союза⁷⁹, а в одном деле Верховный Суд РФ отказал в направлении запроса, констатировав, что запрос в Суд ЕврАзЭС - это право, а не обязанность Верховного Суда, причем отказ в направлении такого запроса не является грубым процессуальным нарушением⁸⁰.

⁷⁸ Высший Арбитражный Суд РФ. Определения от 14 февраля 2014 года N ВАС-713/14, ВАС-638/14, ВАС-311/14, ВАС-485/14, ВАС-494/14, ВАС-534/14, ВАС-335/14, ВАС-499/14, ВАС-531/14, от 24 февраля 2014 года N ВАС-1659/14.

⁷⁹ Высший Арбитражный Суд РФ. Определение от 9 сентября 2013 года N ВАС-8698/13.

⁸⁰ Верховный Суд РФ. Определение от 29 мая 2015 года N 87-ПЭК15.

За три года деятельности Суда ЕврАзЭС в него поступил лишь один преюдициальный запрос, направленный Высшим хозяйственным судом Республики Беларусь. Таким образом, в ЕврАзЭС институт преюдициального запроса не получил распространения и в этих условиях не мог стать эффективным инструментом влияния на судебную практику.

Именно в связи с этим, соглашаясь с позицией о необходимости возвращения Суду ЕАЭС компетенции по рассмотрению дел в порядке преюдициального запроса, необходимо исходить из того, что право направления такого запроса следует предоставлять не только высшим органам судебной власти государств-членов, но в том числе и судам нижестоящих инстанций, на долю которых приходится несоизмеримо большее число дел.

Вместе с тем возможность предоставления Судом Союза заключений с использованием процедуры преюдициального запроса не стоит считать утраченной безвозвратно.

Пункт 49 Статута Суда закрепляет право государств-членов определить уполномоченные органы и организации, которые могут обращаться в Суд с заявлением о разъяснении. Не исключено включение в этот перечень судов государств-членов.

В настоящее время все государства - члены Союза, за исключением Республики Казахстан, в качестве органов, которым предоставлено право на обращение в Суд Союза, определили министерства юстиции. Республика Казахстан среди уполномоченных органов назвала Генеральную прокуратуру, министерства иностранных дел, по инвестициям и развитию, национальной экономики и юстиции, а Кыргызская Республика - министерства юстиции, иностранных дел, экономики, транспорта и дорог, финансов, сельского хозяйства, пищевой промышленности и мелиорации, Центр судебного представительства. Первое заявление о разъяснении от государства-члена (о применении дифференцированных ставок ввозных таможенных пошлин при ввозе товара в пределах тарифных квот) было направлено

в Суд Союза Министерством национальной экономики Республики Казахстан⁸¹. При этом инициатива по направлению запроса исходила напрямую от заинтересованного в получении разъяснения лица - объединения юридических лиц «Евразийский союз участников внешнеэкономической деятельности». Интересно, что впоследствии представители данного объединения смогли донести свою позицию до Суда посредством представления письменных объяснений по делу в виде заключения *amicus curiae*⁸², а затем и выступления в судебном заседании.

Полагаем, что от того, насколько аргументированными будут консультативные заключения Суда Союза, будет зависеть желание национальных судов получить право на обращение с запросом. Задача Суда - убеждать в правильности своей позиции, создавать правовые конструкции, которые могут быть использованы национальными судами при рассмотрении конкретных дел. Как писал А.С. Исполинов применительно к решениям Суда ЕврАзЭС, «от судов требуется проработанная и убедительная аргументация, для того чтобы выводы суда были восприняты как государствами - участниками Договора, так и их национальными судами»⁸³.

Необходимо понимать различия между процедурой преюдициального запроса, как она установлена в праве ЕС⁸⁴, и предоставлением консультативного заключения. Акт, принятый в порядке преюдициального запроса, имеет обязательную силу, тогда как консультативное заключение по заявлению о разъяснении согласно пункту 98 Статута Суда Союза носит рекомендательный характер, что, как было указано ранее, не влечет действий по его исполнению.

При этом следует отметить, что обращение национального суда в Суд ЕС с преюдициальным запросом возможно лишь в рамках конкретного рассматриваемого дела. Иными словами, норма национального законодательства, в связи с которой в

⁸¹ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 1 ноября 2016 года по делу N CE-2-3/2-16-БК по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-16833>.

⁸² Перевод с латинского - «друг суда».

⁸³ Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза / А.С. Исполинов // Государство и право. - 2015. - N 1. - С. 80 - 88.

⁸⁴ Статья 267 ДФЕС.

суде государства-члена возник спор, была принята и в большинстве случаев применена, то есть возникло конфликтное правоотношение. Таким образом, Суд ЕС осуществляет контроль *ex post*, но не *ex ante*. В противоположность этому, обращение в Суд ЕАЭС за разъяснением может быть использовано как для решения текущих проблем, так и для предотвращения их возникновения. Данное утверждение следует проиллюстрировать на примере заявления Республики Беларусь о разъяснении положений статей Договора о Союзе, посвященных общим принципам и правилам конкуренции. Республика Беларусь просила разъяснить положение пункта 3 статьи 74 Договора о Союзе о праве государств-членов устанавливать в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов в сфере конкуренции на предмет возможности установления в национальном законодательстве иных критериев допустимости «вертикальных соглашений»⁸⁵. При этом Республика Беларусь привела возможную редакцию соответствующего положения национального закона.

Как отметила в своем особом мнении судья Э.В. Айриян, право проверки национального закона на предмет соответствия праву Союза не отнесено к полномочиям Суда⁸⁶. Именно поэтому, отвечая на вопрос заявителя, Суд ЕАЭС не констатировал соответствие или несоответствие планируемой к принятию нормы национального законодательства праву Союза, а лишь предоставил свое толкование положений Договора о Союзе, касающихся дополнительных запретов, а также дополнительных требований и ограничений в отношении запретов в сфере конкуренции.

В связи с этим можно отметить, что Суд ЕС также взял за правило не отвечать на поставленные национальными судами в рамках преюдициальных запросов вопросы о соответствии или несоответствии норм внутреннего права праву ЕС.

⁸⁵ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 4 апреля 2017 года по делу N CE-2-1/1-17-БК по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-18093>

⁸⁶ Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Э.В. Айриян к консультативному заключению от 4 апреля 2017 года по делу N CE-2-1/1-17-БК по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-18153>.

Вместо этого Суд ЕС выделяет из обращения национального суда вопрос о толковании именно норм права Союза и отвечает только на него. Тем самым он не вторгается в компетенцию национальных судов, а оставляет национальному суду возможность либо самостоятельно установить подобное несоответствие, либо истолковать национальное законодательство сообразно праву ЕС. При этом Суд ЕС вправе констатировать, что право ЕС «препятствует» совершению национальными органами определенных действий. Таким образом, выработано четкое разграничение полномочий между национальными судами и Судом ЕС: национальные суды никогда не высказываются по вопросу о действительности акта права ЕС, а Суд ЕС - по вопросу о совместимости национального закона с правом ЕС. При этом в силу принципов верховенства и эффективности права ЕС национальный суд не может применить норму национального законодательства, если она противоречит праву ЕС, но к подобному выводу должен прийти сам национальный суд.

Статьей 20 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года⁸⁷, прекратившего действие с 1 января 2015 года, Комиссии было предоставлено право на обращение в Суд ЕврАзЭС с иском о неисполнении государством-членом норм права Союза. Согласно Положению о Комиссии (приложение N 1 к Договору о Союзе) в настоящее время Комиссия такого право лишена, а значит, и у Суда Союза отсутствует компетенция по рассмотрению дел о разрешении споров по иску Комиссии к государству-члену. Несмотря на то, что за три года функционирования Суда ЕврАзЭС ЕЭК ни разу не воспользовалась своим правом на возбуждение дела против государства-члена, само существование подобного механизма следовало оценивать положительно. По мнению Вернера Кюна, государства-члены обычно не склонны подавать иски друг против друга из-за боязни ответных мер, и утрата Комиссией права обращаться с подобными исками может привести к тому, что государства предпочтут судебному способу разрешения споров переговоры. Это может отрицательно сказываться на реализации принципа

⁸⁷ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.

правовой определенности и верховенства права в целом. В отличие от переговоров, решения, вынесенные в рамках исков о неисполнении обязательств, дают всем субъектам права представление о том, как должны толковаться правовые нормы, обогащая тем самым новый правопорядок судебной практикой.

В настоящее время единственным способом компенсировать отсутствие у Комиссии соответствующего полномочия является использование консультативного заключения - постановка ЕЭК вопроса о толковании нормы права Союза в контексте проверки правильности ее применения государствами-членами. Представляется, что обращение ЕЭК в Суд Союза с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, которые ненадлежащим образом исполняются государством-членом, может быть использовано как инструмент побуждения государства к исполнению соответствующих норм.

Вместе с тем использование консультативного заключения способно лишь частично восполнить отсутствие у Комиссии права обращаться с иском к государствам-членам. Представляется разумным возратить ЕЭК подобное право, так как в отличие от решения Суда, предметом оценки которого являются правоотношения, возникшие до вынесения судебного акта, консультативное заключение действует только на будущее. Соответственно, с помощью данного инструмента нельзя исправить уже допущенные нарушения, их можно лишь предотвратить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита прав хозяйствующих субъектов в настоящее время осуществляется в двух формах: судебной и внесудебной.

Суд ЕАЭС является международным судом, призванным разрешать споры по применению права ЕАЭС по заявлению государства-члена ЕАЭС или хозяйствующего субъекта. Выделяются правоохранительная, правозащитная и правотворческая функции Суда ЕАЭС.

Развитие законодательства Евразийского экономического союза о хозяйствующих субъектах подразумевает развитие самого понятия хозяйствующий субъект и его функционирование в странах-членах ЕАЭС.

Лишь превращение Суда Союза в эффективно действующий и авторитетный механизм позволит решить проблему конкуренции с другими судами. Суду предстоит проявить немалую находчивость и убедительность, чтобы доказать свои преимущества, которые а priori не очевидны, особенно с учетом его усеченной, по сравнению даже с Судом ЕврАзЭС, юрисдикции. Заинтересованность в сильном суде должны показать также и страны-члены Союза, пойдя на смягчение своей сегодняшней позиции, нашедшей отражение в Статуте Суда ЕАЭС, которую можно назвать сочетанием жесткости и чрезмерных (иногда надуманных) опасений. В случае с Судом ЕАЭС поиски государствами баланса между независимостью и эффективностью суда, с одной стороны, и желательной степенью контроля за судом, с другой, не оказались стратегически удачными и выверенными. Преобладание страхов и сомнений при разработке Статута привело к появлению ослабленного суда, что вскоре станет ощущаться на качестве процесса евразийской интеграции.

Становится очевидным, что без создания четкого, регламентированного, ясного и прозрачного механизма проведения мониторинга и контроля исполнения международных актов Союза оспаривание в Суде Союза бездействия Комиссии имеет весьма сомнительные перспективы. И здесь хотелось бы процитировать судью К.Л. Чайку, справедливо акцентировавшего внимание в особом мнении на том, что «хозяйствующий субъект лишен возможности защитить частный интерес,

нарушенный в результате неисполнения государством-членом международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, каким-либо иным способом, кроме обращения с заявлением о начале процедуры мониторинга и контроля в Комиссию, и том, что данное обстоятельство подлежало обязательному учету Коллегией Суда при вынесении решения от 28 декабря 2015 года».

Представляется, что указанное обстоятельство должно стать серьезным и достаточным поводом для надлежащей правовой регламентации процедур мониторинга и контроля, прежде всего со стороны нормотворческих органов Евразийского экономического союза.

Проведенный анализ показал, что многие ограничения компетенции Суда, заложенные в Статуте, не способны создать каких-либо серьезных препятствий для его успешного функционирования. Так, несмотря на рекомендательный характер консультативного заключения, заложенные в нем правовые позиции в силу присущего им свойства *res interpretata*⁸⁸ должны учитываться в правоприменительной практике как ЕАЭС, так и государств-членов. Схожим образом отсутствие у Суда права аннулировать решение Комиссии не лишает обращение в Суд статуса эффективного средства правовой защиты, поскольку следствием признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза будет его отмена или изменение с той лишь разницей, что произведены они будут не самим Судом, а ЕЭК. Наконец, закрепление права государств-членов на совместное толкование международных договоров отнюдь не умаляет роли Суда, поскольку правомочие по аутентичному толкованию присуще государствам по умолчанию в силу общей теории права международных договоров.

К числу значимых ограничений компетенции Суда относится отсутствие у него возможности взыскивать убытки и судебные издержки, лишение ЕЭК полномочия инициировать процесс о несоблюдении государством-членом права Союза. В связи с этим представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в Договор о Союзе.

⁸⁸ Перевод – «так интерпритировать».

Особое внимание следует уделить проблеме преюдициального запроса. Несмотря на неэффективность данного правового инструмента в том виде, в котором он существовал в Суде ЕврАзЭС, преюдициальный запрос может способствовать установлению диалога между национальными судами и Судом ЕАЭС и единообразному применению права Союза. Однако для эффективной реализации этих задач правом на обращение в Суд ЕАЭС следует наделить не только высшие суды государств-членов, но и нижестоящие инстанции.

Ограниченная компетенция Суда является не единственным препятствием единообразному применению права Союза. В определенной степени восприятию судами государств-членов правовых позиций Суда мешает несовершенство процессуального законодательства государств-членов и, в частности, Российской Федерации, которое может быть преодолено посредством внесения изменений в соответствующие кодексы. Представляется актуальным дополнение перечня оснований, при наличии которых обязательно приостановление производства в национальном судебном процессе, рассмотрением дела Судом Союза. В свою очередь, признание Судом решения Комиссии не соответствующим Договору либо международным договорам в рамках Союза необходимо включить в число обстоятельств, при наличии которых подлежит пересмотру вступивший в законную силу судебный акт национального суда.

Одновременно следует подчеркнуть, что при отсутствии большого числа средств правовой защиты Суд Союза стремится придать наибольшую эффективность имеющимся. Это может быть проиллюстрировано на примере расширительного определения бездействия в деле Тарасика и установления автоматической проверки Судом в делах об оспаривании решений Комиссии наличия у нее компетенции и соблюдения правил процедуры - в деле Севлад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Нормативные источники:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.
3. Статут Суда Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 г., ред. от 10.10.2014 г., с изм. от 08.05.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная литература

5. Алимбеков М. Т. Суд ЕврАзЭС как платформа всесторонней интеграции // URL: <http://www.sudevrazes.org>.
6. Ануфриева Л.П. Право ВТО и право ЕврАзЭС/ЕАЭС // Право ВТО: теория и практика применения / Под ред. Л.П. Ануфриевой. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. - С. 321 – 333.
7. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд. - М.: Статут, 2014.
8. Исполинов А.С. Договор о Евразийском союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС (часть 1). URL: https://zakon.ru/blog/2014/6/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravah_suda_evrazes_chast_1.
9. Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза / А.С. Исполинов // Государство и право. - 2015. - N 1. - С. 80 - 88.

- 10.Исполинов А.С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federa_ciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_poli.
- 11.Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза / А.С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - № 4. - С. 152–166.
- 12.Кашкин С. Ю. Основы интеграционного права / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. - М.: Проспект, 2015. - 224.
- 13.Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. – 2016. - № 2. - С. 30–45.
- 14.Кирин А. А. Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза // Молодой ученый. - 2016. - №8. - С. 747-750.
- 15.Максимовская Н. А. Защита прав предпринимателей с участием общественных советов // Молодой ученый. - 2016. - №29. - С. 257-260.
- 16.Максимовская Н. А. Защита прав предпринимателей с участием общественных советов // Молодой ученый. - 2016. - №29. - С. 257-260.
- 17.Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. - М.: Закон, 2014, № 6. - С. 106–119.
- 18.Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org>.
- 19.Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.
- 20.Скворцова Т.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Т.А. Скворцова, М.Б. Смоленский / под ред. Т.А. Скворцовой. - М.: Юстицинформ, 2014. - 402 с.

- 21.Смбатьян А. С. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // Международное право и международные организации / А.С. Смбатьян. - 2013. - URL: courteurasian.org/sm.aspx?guid=9703.
- 22.Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / Отв. ред. Л.Н. Шестаков. - М.: Зерцало, 2017. - С. 85.
- 23.Филиппова О.С. Анализ изменений гражданского законодательства, направленных на защиту добросовестных субъектов предпринимательской деятельности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №1 (50).

Материалы практики

- 24.Верховный Суд РФ. Определение от 29 мая 2015 года N 87-ПЭК15.
- 25.Высший Арбитражный Суд РФ. Определение от 9 сентября 2013 года N ВАС-8698/13.
- 26.Высший Арбитражный Суд РФ. Определения от 14 февраля 2014 года N ВАС-713/14, ВАС-638/14, ВАС-311/14, ВАС-485/14, ВАС-494/14, ВАС-534/14, ВАС-335/14, ВАС-499/14, ВАС-531/14, от 24 февраля 2014 года N ВАС-1659/14.
- 27.Евразийская экономическая комиссия. Результаты научно-исследовательских работ [Электронный ресурс]. URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/NIR/Lists/List/AllItems.aspx>.
- 28.Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 1 ноября 2016 года по делу N СЕ-2-3/2-16-БК по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-16833>.
- 29.Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 4 апреля 2017 года по делу N СЕ-2-1/1-17-БК по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-18093>

30. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Э.В. Айриян к консультативному заключению от 4 апреля 2017 года по делу N CE-2-1/1-17-БК по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-18153>.
31. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 1 апреля 2015 года по делу N CE-3/2-15-КС по заявлению ЗАО «Капри» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-14373>.
32. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии Суда от 14 декабря 2016 года по делу N CE-1-2/4-16-КС по заявлению ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-17143>.
33. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 21 июня 2016 года по делу N CE-1-2/2-16-АП по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/database>.
34. Суд ЕАЭС. Решение Большой Коллегии Суда от 21 февраля 2017 года по делу N CE-1-1/1-16-БК по спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-17943>.
35. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-КС по заявлению ООО «Севлад» [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.
36. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-КС по заявлению ООО «Севлад». Подпункт 7.2.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.
37. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 7 апреля 2016 года по делу N CE-1-2/1-16-КС по заявлению ООО «Севлад». Пункт 6.2. [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-15463>.
38. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по делу N CE-1-2/2-15-КС по заявлению ИП Тарасика К.П. к Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://courteurasian.org/doc-14443>.